

Источник: Бесплодные усилия любви. Перевод Ю. Корнеева // Шекспир У. Полное собрание сочинений в восьми томах / Под общей ред. А. Смирнова и А. Аникста. М.: Искусство, 1958. Т. 2. С. 393-512. + Смирнов А. Послесловие к «Бесплодным усилиям любви» // Там же. С. 542-547.

393

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ФЕРДИНАНД, король Наварры.
БИРОН
ЛОНГВИЛЬ
ДЮМЕН
БОЙЕ
МЕРКАД
ДОН АДРИАНО ДЕ АРМАДО, чудака испанец.
ОТЕЦ НАТАНИЕЛЬ, священник.
ОЛОФЕРН, школьный учитель.
ТУПИЦА, констебль.
БАШКА, шут.
МОТЫЛЕК, паж Армадо.
ЛЕСНИЧИЙ.
ФРАНЦУЗСКАЯ ПРИНЦЕССА.
РОЗАЛИНА
МАРИЯ
КАТЕРИНА
ЖАКНЕТА, деревенская девушка.

приближенные короля.
приближенные французской принцессы.
придворные дамы принцессы.

Вельможи, слуги и другие.

Место действия – Наварра.

395

АКТ I.

СЦЕНА 1

Парк вокруг дворца короля Наварры.

Входят ФЕРДИНАНД, КОРОЛЬ НАВАРРЫ, БИРОН, ЛОНГВИЛЬ и ДЮМЕН.

КОРОЛЬ.

Пусть будет слава, наша цель при жизни,
В надгробьях наших жить, давая нам

Благообразье в безобразье смерти.
У времени прожорливого можно
Купить ценой усилий долгих честь,
Которая косу его притупит
И даст нам вечность целую в удел.
Поэтому, воители, – я вам
Такое имя дал за то, что вы
Войну ведете с вашими страстями
И с полчищами помыслов мирских, -
Да сохранит указ последний силу.
Наварра наша станет чудом мира,
Двор – малой академией, где будем
Мы созерцанью мирно предаваться.
Вы поклялись, Бирон, Дюмен, Лонгвиль,
Втроем три года провести со мною
В трудах ученых и всегда блюсти
Устав, на этот свиток нанесенный.
Скрепите ж подписями ваш обет,

396

Чтоб был лишен своей рукою чести
Тот, кто хотя б на миг его нарушит.
Итак, когда в душе решимость есть,
Поставьте ваши имена вот здесь.

ЛОНГВИЛЬ.

Я соглашаюсь на трехлетний пост:
Пирует ум, когда худеет тело,
А тот, кто чрево жадно насыщает,
Тучнея плотью, разумом нищает.

ДЮМЕН.

Мой государь, Дюмен себя смирил
И низменным рабам мирских забав
Оставил низость суеты мирской.
Теперь я мертв для радостей земных -
Мне философия заменит их.

БИРОН.

Мой государь, лишь в том, в чем прежде клялся,
Я к этим заверениям примкну.
Я клялся вам в ученье быть три года,
А тут немало есть иных обетов -
Ну, скажем, женщин избегать три года.
Ужель и этот пункт включен в устав?

Затем: в неделю раз без пищи жить
И есть шесть прочих дней по разу в день.
Ужель и этот пункт вошел в устав?
Потом: спать ночью только три часа,
Глаз не смыкая днем ни на минуту
(А я приучен крепко спать всю ночь
И к ночи добавлять еще полдня).
Ужель и этот пункт внесен в устав?
Не спать, не видеть женщин и поститься -
Мне с этим слишком трудно примириться.

КОРОЛЬ.

Но все сносить вы принесли обет.

БИРОН.

Осмелюсь, государь, ответить «нет!»
Я клялся лишь делить ученье с вами,
Пожертвовав ему тремя годами.

397

ЛОНГВИЛЬ.

Одно неотделимо от другого.

БИРОН.

О, если так, то в шутку дал я слово.
В чем цель ученья – мне узнать нельзя ли?

КОРОЛЬ.

Знать то, чего мы до сих пор не знали.

БИРОН.

И то, что ум обычный не поймет?

КОРОЛЬ.

Да, уж таков ученья дивный плод.

БИРОН.

Тогда клянусь усердно изучать
Все, что устав мне запрещает знать:
Ну, например, – как пообедать сладко,
Когда поститься все принуждены;
Как с милою увидеться украдкой,
Когда от женщин мы удалены;
Как тягостную клятву обойти
И все же верность слову соблюсти.

Вот если смысл трехлетнего ученья
В том, чтоб мне дать такие наставленья,
Я принесу обет без промедленья.

КОРОЛЬ.

Пусты все эти плотские утехи,
Чинящие учению помехи!

БИРОН.

Они пусты, и все ж пустей куда -
Трудиться ради одного труда.
Чтоб правды свет найти, иной корпит
Над книгами, меж тем как правда эта
Глаза ему сиянием слепит.
Свет, алча света, свет крадет у света.
Пока отыщешь свет во мраке лет,
В твоих очах уже померкнет свет.
Нет, научись, как услаждать свой взгляд -
Его в глаза прелестные вперяя,

398

Которые твои зрачки слепят,
Их тут же снова светом озаряя.
Наука – словно солнце. Дерзкий взор
Теряется в ее небесных тайнах.
В ней книгоед находит лишь набор
Заемных истин и цитат случайных.
Хоть астрономы, крестные светил,
Открыв звезду, ей имя нарекают,
Но звезды и для тех, кто их крестил,
Не ярче, чем для неучей, сверкают.
Лишь имена, все зная, будешь знать,
А их вещам мы все вольны давать.

КОРОЛЬ.

С ученостью трунит он над ученьем!

ДЮМЕН.

Стремится он мешать благим стремленьям!

ЛОНГВИЛЬ.

Он полет рожь, перед полынью струся.

БИРОН.

Весна подходит, коль плодятся гуси.

ДЮМЕН.

О чем вы?

БИРОН.

Да о том, что все – в свой час.

ДЮМЕН.

Ответ не в толк!

БИРОН.

Зато не в бровь, а в глаз!

КОРОЛЬ.

Бирон завистлив, как мороз весной,
Когда он губит юные растенья.

БИРОН.

Пусть так. Но не ударит летний зной,
Пока у птиц причины нет для пенья.
Что мне за радость видеть недоноска?
Я розу не прошу в сочельник цвезть,

399

А вьюгу в майский день сугроб наместь.
Для каждой вещи срок и время есть.
Учиться поздно было бы теперь:
Не лезь в окно, когда открыта дверь.

КОРОЛЬ.

Бирон, ступайте. Вышли из игры вы.

БИРОН.

Нет, клятву дав, я не уйду трусливо.
В честь темноты сказал я больше слов,
Чем вы во славу мудрости найдете,
Но, дав обет, три года я готов,
Подобно вам, смирать желанья плоти.
Где свиток? На устав взгляну хоть раз
И подписью скреплю его сейчас.

КОРОЛЬ.

Ты честь свою уступчивостью спас.

БИРОН (*читает*)

«Item¹: ни одна женщина не смеет подходить к местонахождению нашего двора ближе чем на милю». – Это уже обнародовано?

КОРОЛЬ.

Дня четыре назад.

БИРОН.

Какое наказание ей за это полагается? (*Читает.*) «Под страхом лишения языка». – Кто же внес в устав такой пункт?

ЛОНГВИЛЬ.

Я внес его.

БИРОН.

Но для чего?

ЛОНГВИЛЬ.

Пусть женщин строгость кары устрашает.

БИРОН.

Любезным быть такой закон мешает.

(*Читает.*)

400

БИРОН.

«Item: если в течение этих трех лет кто-либо будет уличен в разговоре с женщиной, он подвергнется такому публичному посрамлению, какое только сумеют измыслить остальные придворные».

Мой государь, придется лично вам

Нарушить этот строгий пункт, коль скоро

Французская принцесса едет к нам.

Добиться лично с вами разговора

Больной отец велел ей. Хочет он,

Чтоб вы ему вернули Аквитанию.

Поэтому: иль зря был пункт внесен,

Иль зря принцесса пустится в скитанья.

КОРОЛЬ.

Об этом мы забыли, господа.

БИРОН.

Ученье перелет дает всегда:

Учась, как сделать то, чего желаешь,
Ты сделать то, что должен, забываешь;
Пусть даже ты добился своего, –
Что в том? Ты город взял, но сжег его.

КОРОЛЬ.

Придется отступить нам от декрета:
Необходимость оправдала это.

БИРОН.

Нас триста раз в течение трех лет
Необходимость отступить заставит:
Ведь от страстей, с которыми на свет
Мы рождены, лишь благодать избавит.
Итак, коль я не соблюду обета,
Необходимость оправдает это.
Поэтому его я подпишу

(подписывает)

И каждого, кем он не будет сдержан,
Бесчестным навсегда провозглашу:
Ведь я соблазну, как и все, подвержен.
Но я, хоть мне противен этот бред,
Надеюсь дольше всех хранить обет.
Ужели без забав нам жить три года?

401

КОРОЛЬ.

Отнюдь. Один испанец, отпрыск рода
Дворян кастильских, при дворе гостит.
Он искушен во всех новинках моды;
Сентенциями мозг его набит;
Он из людей, которых опьяняет
Звук собственных речей, как сила чар;
И правый, и неправый избирает
Его судьей в решение разных свар.
Армадо, детище воображенья,
Нас будет в час досуга забавлять
И доблесть миром преданных забвенью
Воителей испанских восхвалять.
И, что бы ни сказали вы об этом,
Мне весело с таким луном отпетым.
Пускай придворным станет он поэтом.

БИРОН.

В Армадо пропасть блеска и ума:
Он – рыцарь моды и речист весьма.

ЛОНГВИЛЬ.

Коль он с Башкой нам будут развлечением,
Три года не покажутся мученьем.

Входят ТУПИЦА с письмом и БАШКА.

ТУПИЦА.

Где здесь король собственной особой?

БИРОН.

Вот он, приятель. Чего тебе надо?

ТУПИЦА.

Я самолично представляю собой его величество, потому что состою констеблем на службе его величества; но мне желательно видеть его особу в телесном обличье.

БИРОН.

Вот он.

ТУПИЦА.

Сеньор Арм-Арм свидетельствует вам свое почтение. Вышло скверное дело: подробности найдете в письме.

БАШКА.

Ваше величество, в письме и про меня написано.

402

КОРОЛЬ.

Это письмо от великолепного Армадо?

БИРОН.

Как бы ничтожно ни было содержание письма, оно, уповаю на милость божью, выражено высоким слогом.

ЛОНГВИЛЬ.

Высокие упования по ничтожному поводу? Дай нам, боже, терпенья.

БИРОН.

Дослушать до конца или удержаться от смеха?

ЛОНГВИЛЬ.

Выслушать кротко и посмеяться умеренно или удержаться и от того и от другого.

БИРОН.

Отлично, сударь. Пусть степень его высокопарности сама подскажет нам степень веселости.

БАШКА.

Ваше величество, там речь идет обо мне, поскольку письмо касается Жакнеты. Дело в том, что я попался на деле.

БИРОН.

Как это на деле?

БАШКА.

Вот так что на деле или, согласно букве устава, на трех делах. Я был замечен, когда бездельничал с Жакнетой во дворце, – раз. Я сидел с нею – два. Я шел следом за ней по парку – три. А согласно букве устава, из этих трех проступков следует, что они в целом и составляют дело. Ибо из буквы устава известно, что когда мужчина вступил с женщиной в разговор об известном деле, это уже целое дело, согласно известной букве устава.

БИРОН.

Ну, и что же из этого следует?

БАШКА.

А это уж смотря по тому, какое мне воспоследует наказание. И да защитит господь правого!

КОРОЛЬ.

Угодно вам выслушать письмо?

403

БИРОН.

Мы выслушаем его, как оракула.

БАШКА.

Как в простоте душевной человек слушает веления плоти!

КОРОЛЬ (*читает*)

«Великий престололюбоститель, наместник тверди небесной и единый владыка. Наварры, земное божество души моей и питатель тела».

БАШКА.

А ведь о Башке пока что ни слова!

КОРОЛЬ.

«Случилось так...».

БАШКА.

Всегда что-нибудь случается, но если он пишет, что случилось так, он, по правде говоря, не стоит того, чтобы с ним что-нибудь случилось.

КОРОЛЬ.

Стой смирно!

БАШКА.

А я всегда смирный, как всякий, кто в драку не лезет.

КОРОЛЬ.

Ни слова!..

БАШКА.

...о чужих секретах, покорнейше прошу.

КОРОЛЬ.

«Случилось так, что, постигнутый черной меланхолией, решил я вверить свое мрачно-подавленное настроение целительному действию наилучшего в мире лекарства - твоего животворного воздуха - и, как благородный дворянин, предпринял прогулку. Ты задашь вопрос: в какое время? Около шести часов, то есть в ту пору дня, когда охотнее всего пасутся стада, клюют корм птицы и люди садятся за свою трапезу, которую они нарекли ужином. Это все, что могу я сказать о времени. Теперь о территории, - я имею в виду территорию, по которой я следовал, прогуливаясь: ее именуют твоим парком. Что же касается места, - я разумею то место, где стал я очевидцем непотребного и наипредосудительнейшего происшествия, извлекающего из моего

404

белоснежного пера эбеновые чернила, которые ты усматриваешь, созерцаешь, зришь и видишь в настоящую минуту, - что же касается этого места, то оно расположено к северо-северо-востоку, на восточной стороне западного угла твоего замысловато-извилистого сада. Там-то и явился взору

моему этот недоумок, этот деревенщина, это низкое ничтожество, служащее к твоему увеселению...»

БАШКА.

Это про меня?

КОРОЛЬ.

«...Это невежественное и непросвещенное создание...»

БАШКА.

Это про меня?

КОРОЛЬ.

«...эта мелкая рабская душа...»

БАШКА.

Опять про меня?

КОРОЛЬ.

«...которого, насколько мне помнится, именуют Башкой...»

БАШКА.

Конечно, это я!

КОРОЛЬ.

«...в обществе и общении, вопреки установленному и объявленному тобой декрету и пребывающему в силе указу о...о...о...о!.. о... но с кем? Мне тяжело сказать с кем...»

БАШКА.

С бабенкой!

КОРОЛЬ.

«...с дочерью праматери нашей Евы, с особью женского пола, или – для более просветленного понимания твоего величества - с женщиной! Движимый неослабным сознанием долга, я препровождаю его к тебе на предмет достодожного ему наказания в сопровождении слугителя твоего пресветлого величества Энтони Тупицы, человека отменной репутации, обращения, воспитанности и почтенности».

ТУПИЦА.

Это уж про меня, с вашего соизволения. Я и есть Энтони Тупица.

КОРОЛЬ.

«Что же касается Жакнеты, ибо так зовется вместилище слабости, застигнутое мною в обществе вышепоименованного деревенщины, то я задержал ее у себя, как вместилище для ярости твоих законов, и при малейшем указании твоего пресветлого величества представляю ее пред судилище. Прими выражение совершенной преданности и всеожигающего сознания долга от твоего дона

Адриано де Армадо».

БИРОН.

Это не так хорошо, как я ожидал, но лучше всего, что мне доводилось слышать.

КОРОЛЬ.

О да, лучшее из наихудшего. Ну, любезный, что вы на это скажете?

БАШКА.

Ваше величество, насчет бабенки – сознаюсь.

КОРОЛЬ.

Вы разве не слышали того, что было объявлено?

БАШКА.

Честное слово, я так усердно это слушал, что все и прослушал.

КОРОЛЬ.

Ведь было же объявлено: год тюрьмы тому, кто будет иметь дело с женщиной.

БАШКА.

Да я с женщинами дела не имел. Я имел дело с барышней.

КОРОЛЬ.

Ну и что же? Объявление касалось и барышень.

БАШКА.

Да она вовсе не барышня. Она девственница.

КОРОЛЬ.

Это ничего не меняет. Объявление относилось и к девственницам.

БАШКА.

Ну, если так, то я отрицаю за ней девственность. Я имел дело просто с девушкой.

406

КОРОЛЬ.

Эта девушка, сударь, вам ни в чем не поможет.

БАШКА.

Эта девушка, государь, мне кое в чем поможет.

КОРОЛЬ.

Вот вам мой приговор, сударь: вы будете неделю поститься на воде и мякине.

БАШКА.

Я предпочел бы целый месяц молиться на похлебке и жарком.

КОРОЛЬ.

И дон Армадо будет вашим стражем.
Бирон, к нему Башку препроводите.
Идемте ж, господа, осуществлять
Все то, в чем мы друг другу клятву дали.

Король, Дюмен и Лонгвиль уходят.

БИРОН.

Я голову поставлю против шляпы,
Что посмеется жизнь над их затеей.
Идем, мошенник.

БАШКА.

Я страдаю из-за честности, сударь. Ведь, по чести говоря, я имел дело с Жакнетой, а она – честная девушка. Поэтому – добро пожаловать, горькая чаша благополучия. Будет день, и печаль вновь улыбнется мне, а до тех пор сиди здесь, скорбь!

Уходят.

СЦЕНА 2.

Там же.

Входят АРМАДО и его паж МОТЫЛЕК.

АРМАДО.

Мальчик, в чем выражается меланхолия великого духом человека?

МОТЫЛЕК.

Главным образом в том, что у него грустный вид.

407

АРМАДО.

Но разве грусть и меланхолия – не одно и то же, дорогое дитя?

МОТЫЛЕК.

Нет, нет, сударь! Что вы, совсем нет!

АРМАДО.

В чем же ты усматриваешь различие меж ними, нежный юноша?

МОТЫЛЕК.

В их внутреннем проявлении, загрубелый старец.

АРМАДО.

Почему «старец»? Почему «загрубелый»?

МОТЫЛЕК.

Почему «нежный»? Почему «юноша»?

АРМАДО.

Я назвал тебя «нежным юношей», потому что эпитет этот соотносится с твоим юным возрастом, который можно именовать нежным.

МОТЫЛЕК.

А я вас – «загрубелым старцем», потому что название это соотносится с вашим пожилым возрастом, который можно именовать загрубелым.

АРМАДО.

Мило и метко.

МОТЫЛЕК.

Что вы имеете в виду, сударь? Что я мил, а слова мои метки, или что я меток, а слова мои милы.

АРМАДО.

Ты мил, ибо мал.

МОТЫЛЕК.

Значит, я мало мил, ибо мал. А почему меток?

АРМАДО.

Потому меток, что изворотлив.

МОТЫЛЕК.

Хозяин, это вы в похвалу мне говорите?

408

АРМАДО.

Да, в соответствующую твоим заслугам похвалу.

МОТЫЛЕК.

Я бы такой же похвалой и угря похвалил.

АРМАДО.

Как, разве угорь находчив?

МОТЫЛЕК.

Угорь изворотлив.

АРМАДО.

Я хочу сказать, что ты изворотлив в ответах. У меня от них кровь закипает.

МОТЫЛЕК.

Вот я и получил ответ.

АРМАДО.

Я не люблю, когда мне перечат.

МОТЫЛЕК (*в сторону*)

Не любишь, когда перечат, – не говори другим поперек!

АРМАДО.

Я дал обещание пробыть три года в ученье вместе с королем.

МОТЫЛЕК.

Да вы и за час всему научиться сумеете, сударь.

АРМАДО.

Это невысказано.

МОТЫЛЕК.

Сколько будет трижды один?

АРМАДО.

Я не силен в счете. Это дело буфетчика.

МОТЫЛЕК.

А вы, сударь, дворянин и игрок.

АРМАДО.

Сознаюсь и в том и в другом. Оба эти качества необходимы воспитанному человеку.

409

МОТЫЛЕК.

Ну, значит, вы знаете, сколько составят в сумме туз и двойка.

АРМАДО.

Их сумма на одно очко больше, чем два.

МОТЫЛЕК.

То, что в просторечье называется «три»?

АРМАДО.

Верно.

МОТЫЛЕК.

Видите, как спорится у вас ученье. Вы три раза глазом моргнуть не успели, а уж дошли до трех. К слову «три» легко прибавить «года», – вот и свелись три года ученья к двум словам. Это и ученая лошадь на ярмарке вам сосчитает.

АРМАДО.

Тонко рассчитано.

МОТЫЛЕК *(в сторону)*

Еще бы, если в итоге выходит, что ты нуль.

АРМАДО.

Засим должен я признаться, что влюблен. И насколько низко влюбленный воин, настолько же низко происхождение женщины, в которую я влюблен. Если бы, обнажив свой меч против любовного недуга, мог я избавиться от греховных помыслов о ней, я бы взял в плен свое вожделение и отдал бы его какому-нибудь французскому придворному в обмен на новоизобретенную любезность. Я презираю вздыхателей и мог

бы, думается, утратить Купидона. Утешь меня, мальчик, поведай, кто из великих людей был влюблен.

МОТЫЛЕК.

Геркулес, хозяин.

АРМАДО.

Сладчайший Геркулес! - Побольше знаменитых примеров, дорогой мальчик, побольше имен; и пусть, милое дитя мое, принадлежат они людям с положением и весом.

410

МОТЫЛЕК.

Самсон, хозяин; он-то уж был человек с весом, с большим весом, потому что весьма весомые городские ворота мог на плечах унести. Он тоже был влюблен.

АРМАДО.

О плотно сбитый Самсон! О прочно сшитый Самсон! Я превосхожу тебя в искусстве владения рапирой, как ты меня – в искусстве ношения ворот. И я тоже влюблен. В кого был влюблен Самсон, мой дорогой мальчик?

МОТЫЛЕК.

В женщину, хозяин.

АРМАДО.

Какого темперамента?

МОТЫЛЕК.

Всех четырех, или трех, или двух, или одного из четырех.

АРМАДО.

Определи мне точнее ее темперамент.

МОТЫЛЕК.

Зеленый, цвета морской воды, сударь.

АРМАДО.

Да разве есть такой темперамент?

МОТЫЛЕК.

Судя по тому, что я читал, это самый лучший из всех.

АРМАДО.

Конечно, зеленый цвет означает любовь, но, по-моему, Самсону не стоило выбирать себе возлюбленную зеленого цвета. Наверно, он полюбил ее за ум.

МОТЫЛЕК.

Так оно и есть, сударь. У нее был ум зеленого цвета.

АРМАДО.

У меня же возлюбленная совершенно непорочного белого и алого цвета.

МОТЫЛЕК.

Сударь, под таким цветом и скрываются довольно порочные мысли.

411

АРМАДО.

Объясни, объясни, образованный отрок.

МОТЫЛЕК.

Да помогут мне ум моего отца и красноречие матери!

АРМАДО.

Какое звучное воззвание в устах младенца! Очень мило и патетично.

МОТЫЛЕК.

Где с белым цветом алый слит,
Там спрятан грех под маску:
Ведь щеки женщин страх белит,
А стыд бросает в краску.
И где тут стыд, и где тут страх –
Уразумей, поди ты;
Ведь от рожденья на щеках
У них два цвета слиты.
Довольно опасные стихи, хозяин, насчет белого и алого цвета.

АРМАДО.

Мальчик, разве нет баллады про короля и нищенку?

МОТЫЛЕК.

Был грех: наши прадеды сочинили такую балладу, но теперь ее, кажется, нигде не услышишь, а если и услышишь, то слова и напев ни на что не годны.

АРМАДО.

Я хотел бы заново обработать этот сюжет, дабы заблуждения моего чувства были освящены каким-нибудь авторитетным примером. Мальчик, я влюблен в юную крестьянку, которую застиг в парке с этим человекоподобным животным Башкой. Она вполне достойна...

МОТЫЛЕК.

...порки и уж во всяком случае любовника получше, чем мой хозяин.

АРМАДО.

Спой, мальчик! У меня на душе тяжело от влюбленности.

МОТЫЛЕК.

Это странно, потому что любите вы женщину довольно-таки легковесную.

412

АРМАДО.

Спой, прошу тебя.

МОТЫЛЕК.

Дайте пройти этой компании.

Входят ТУПИЦА, БАШКА и ЖАКНЕТА.

ТУПИЦА.

Сударь, король соблаговолил поручить вам надзор за Башкой. Вы не должны ему мирволить, но и притеснять его не следует. Нужно только присматривать, чтоб он постился три дня в неделю. А эту девицу мне приказано держать в парке. Пусть послужит коровницей. Мое почтенье.

АРМАДО.

Я выдаю себя румянцем. – Девушка!

ЖАКНЕТА.

Мужчина!

АРМАДО.

Я навещу тебя в коровнике.

ЖАКНЕТА.

До этого далеко.

АРМАДО.

Я знаю туда дорогу.

ЖАКНЕТА.

Скажите, какой ученый!

АРМАДО.

Я расскажу тебе чудесные вещи.

ЖАКНЕТА.

С такой-то наружностью?

АРМАДО.

Я люблю тебя.

ЖАКНЕТА.

Старые песни.

АРМАДО.

Итак, до встречи.

ЖАКНЕТА.

Ветер вам в корму!

413

ТУПИЦА.

Пошли, Жакнета, поторапливайся.

ТУПИЦА и ЖАКНЕТА уходят.

АРМАДО.

Презренный, ты будешь поститься за свои проступки, пока ни заслужишь прощения.

БАШКА.

Слушаюсь, сударь. Надеюсь, что смогу делать это с полным желудком.

АРМАДО.

Расплата с тобой будет тяжелою.

БАШКА.

Ну, значит, я буду вам более признателен, чем ваши слуги, с которыми вы расплачиваетесь куда легче.

АРМАДО.

Увести этого негодяя и заточить!

МОТЫЛЕК.

Идем, строптивый раб! Живо!

БАШКА.

Не велите меня запирать, сударь. Я предпочитаю поститься на воле.

МОТЫЛЕК.

Ну нет, сударь. Кто же по своей воле на хлеб и воду сядет. Тебя посадят в тюрьму.

БАШКА.

Ладно. Но если я вновь увижу веселые дни моей печали, которые я видел, то кое-кто увидит...

МОТЫЛЕК.

Что увидит?

БАШКА.

Ничего особенного, господин Мотылек. Увидит только то, что увидит. Узнику не годится быть слишком скупым на слова, поэтому я ничего и не скажу. Слава богу, терпенья у меня поменьше, чем у других, поэтому я и могу быть спокоен.

МОТЫЛЕК и БАШКА уходят.

414

АРМАДО.

Я обожаю даже почву, сей низкий предмет, который попирает ее башмак, предмет еще более низкий и приводимый в движение ее ногой, предметом самым низким. Полюбив, я делаюсь клятвопреступником, а это первейший признак лживости. Между тем не бывает истинной любви там, где к ней примешана лживость. Любовь - домовой, любовь - дьявол, любовь - самый злой из всех злых духов. Тем не менее она искусила Самсона, а ведь он обладал несравненной мощью; она соблазнила Соломона, а ведь он был отменно мудр. Перед стрелой Купидона не устояла палица Геркулеса; тем более - это неравное оружие для рапиры испанца. Первый и второй поводы для картеля мне не подходят: *passado*² Купидон пренебрегает, на *duello*³ не обращает внимания. Мы, мужи, оскорбляем его, именуя мальчиком, а он торжествует, покоряя

нас, мужей. Прощай, мужество! Ржавей, клинок! Умолкни, барабан! Повелитель ваш влюблен. Да, он любит! Приди мне на помощь, гений импровизации. Я, вне всякого сомнения, примусь сочинять сонеты. Изощрайся, ум! Строчи, перо! Я расположен заполнить целые фолианты!

(Уходит.)

415

АКТ II.

СЦЕНА 1.

Там же.

Входят ФРАНЦУЗСКАЯ ПРИНЦЕССА, РОЗАЛИНА, МАРИЯ, КАТЕРИНА, БОЙЕ,
вельможи и слуги.

БОЙЕ.

Должны, принцесса, вы на помощь ныне
Призвать всю ясность духа своего.
Подумайте, кого, к кому, зачем
Сюда послал король, родитель ваш!
Вам, столь высокочтимой повсеместно,
Он поручил вести переговоры
С тем, кто один владеет всем, что мы
В мужах считать привыкли совершенством, –
С Наваррцем несравненным. Речь идет
О целой Аквитании, стране,
Достойной стать приданым королеве.
Так расточайте ж то очарованье,
Тот дар прелестный, коим вашу прелесть
Природа одарила, расточив
Его на вас в ущерб всем остальным.

ПРИНЦЕССА.

Хоть красота моя невелика,
Не нужно ей таких похвал цветистых.
Оценку красоте дают глаза
Того, кто пожелал купить ее,

416

А не язык хвастливый продавца.
И, внемля вам, я менее горда,
Чем сами вы в стремлении прослыть

За остролова вашим восхваленьем.
Но с человеком дела – ближе к делу!
Бойе, известно вам, – молва об этом
Шумит повсюду, – что король Наварры
Решил три года посвятить наукам,
Не допуская женщин в свой приют.
Поэтому нам не мешает, раньше
Чем постучать в запретные ворота,
Знать мнение короля на этот счет.
И вам ввиду достоинств ваших быть
Ходатаем за нас мы поручаем.
Скажите их величеству, что с ним
По делу неотложному хотела б
Увидеться французская принцесса.
Итак, спешите. Мы же будем здесь
Смирненно ждать монаршего решенья.

Б О Й Е .

Гордясь доверьем, в путь я рад пуститься.

(Уходит.)

П Р И Н Ц Е С С А .

Кто горд, тот рад возможности гордиться.
Скажите, господа, кто дал обет
Подвижничества вместе с королем?

П Е Р В Ы Й В Е Л Ъ М О Ж А .

Лонгвиль, к примеру.

П Р И Н Ц Е С С А .

Вы знакомы с ним?

М А Р И Я .

Он мне знаком. Когда лорд Перигор
С прелестной дочкой Джека Фоконбриджа
В Нормандии свою справляли свадьбу,
Мне довелось увидеть там Лонгвиля.
Он – человек достоинств самых редких:
В искусствах сведущ, на войне прославлен.
За что б ни взялся, сделать все сумеет.
Блеск доблести его одним запятнан.
Коль может быть на доблести пятно:

В нем ум остер, и воля беспощадна.

Готов он срезать каждого, а тем,
Над кем шутить он волен, нет пощады.

ПРИНЦЕССА.

Как видно, он к насмешкам страсть питает?

МАРИЯ.

Да, каждый, с кем знаком он, так считает.

ПРИНЦЕССА.

Ум скороспелый быстро отцветает.
Кто ж остальные?

КАТЕРИНА.

Есть между ними юноша, Дюмен,
За добродетели любимый каждым,
Кто любит добродетель. Делать зло
Тем меньше хочет он, чем больше может.
Ума в нем хватит, чтоб украсить все,
Что чуждо красоте; а красоты –
Чтоб даже без ума казаться милым.
У д'Алансона в герцогском дворце
Его видала я. Но слишком бледен
Мой отзыв о достоинствах его.

РОЗАЛИНА.

Еще один затворник здешний был
С Дюменом там. Коль я не ошибаюсь,
Его зовут Бироном. Столь веселых
(Конечно, в рамках должного приличья)
Людей еще нигде я не встречала.
Уму его находит пищу зренье:
На что ни взглянет он, во всем находит
Предлог для шутки тонкой и пристойной,
Которую язык его умеет
Передавать таким изящным слогом,
Что слушать даже старикам приятно,
А молодежь приходит в восхищенье,
Внемя его изысканной беседе.

ПРИНЦЕССА.

Спаси нас бог! Все фрейлины влюбились,
Судя по красноречию, с которым
Они хвалой свой выбор осыпают.

ПЕРВЫЙ ВЕЛЬМОЖА.

Вот и Бойе.

Возвращается БОЙЕ.

ПРИНЦЕССА.

Ну, что решил король?

БОЙЕ.

Наваррец знает о приезде вашем.
И он и все сподвижники его
Еще до моего приезда встретить
Готовы были вас. Но предпочел бы
Король, чтоб в поле вы остановились, –
Как будто замок осадить решили, –
И не пришлось ему обет нарушить,
Вас во дворце безлюдном принимая.
Да вот и сам он.

*Принцесса и ее спутницы надевают маски. Входят КОРОЛЬ, ЛОНГВИЛЬ, ДЮМЕН,
БИРОН и приближенные.*

КОРОЛЬ.

Прекрасная принцесса, будьте гостьей!

ПРИНЦЕССА.

«Прекрасную»я вам возвращаю обратно, а гостьей еще не стала. Это не ваш дворец, потому что кровля здесь чересчур высока для вас, а быть гостьей в чистом поле – чересчур низко для меня.

КОРОЛЬ.

Принцесса, будьте гостьей при дворе.

ПРИНЦЕССА.

На это соглашаюсь я. Идемте.

КОРОЛЬ.

Постойте. Дал обет я перед богом...

ПРИНЦЕССА.

Бог да поможет вам его нарушить.

КОРОЛЬ.

Обет не преступлю я своевольно.

ПРИНЦЕССА.

Преступите, и по своей же воле.

КОРОЛЬ.

Принцесса, вам неведомо, в чем дело.

ПРИНЦЕССА.

Мудрее чуждый мудрости невежда,
 Чем алчущий невежества мудрец.
 Давать обет подобный – смертный грех,
 И нарушать – не лучше.
 Но извинить прошу за откровенность –
 Ученого учить не смею я.
 Прочтите здесь изложенную просьбу
 И на нее с ответом поспешите.

(Подает королю свиток.)

КОРОЛЬ.

Отвечу я, но в спешке нужды нет.

ПРИНЦЕССА.

Уеду я, лишь получу ответ,
 Чтоб не пришлось вам нарушать обет.

БИРОН.

Не с вами ль танцевали мы в Брабанте?

РОЗАЛИНА.

Не с вами ль танцевали мы в Брабанте?

БИРОН.

Уверен в этом.

РОЗАЛИНА.

А к чему ж тогда
 Вопрос подобный?

БИРОН.

На ответ вы скоры.

РОЗАЛИНА.

Но вы мой ум пришпорили вопросом.

БИРОН.

Ваш ум – как конь. Галоп его запалит.

РОЗАЛИНА.

Но раньше седока с седла он свалит.

БИРОН.

Не знаете ль, который час?

РОЗАЛИНА.

Да тот,
Когда дурак вопросы задает.

БИРОН.

Пусть вашей маске счастья бог пошлет!

РОЗАЛИНА.

Не маске, а лицу, – я полагаю.

БИРОН.

Поклонников побольше вам желаю.

РОЗАЛИНА.

Аминь. Без вас найду.

БИРОН.

Что ж делать! Отойду.

КОРОЛЬ.

Принцесса, ваш родитель извещает,
Что мне вернул уже сто тысяч крон,
А это половина лишь того,
Что мой отец ссудил ему на войны.
Но если б даже я иль мой отец
Их получили (что отнюдь не так),
Сто тысяч остаются, – и за них
В залог нам Аквитания дана,
Хотя она не стоит этой суммы.
Когда бы ваш отец мне уплатил
Оставшуюся половину долга,
Ему я Аквитанию вернул бы
И с ним вступил бы в дружбу и союз.
Но, кажется, он к этому не склонен.
В письме он предлагает дать ему
Еще сто тысяч крон и обещает

По выплате указанных ста тысяч
 От прав на Аквитанию отречься,
 Хоть мне приятней было б получить
 Моим отцом одолженные деньги,
 Чем эту истощенную страну.
 Не будь столь безрассудны предложенья,
 Я изъявил бы, вопреки рассудку,
 На них согласие, чтобы вы, принцесса,
 Могли уехать удовлетворенной.

ПРИНЦЕССА.

Черните вы и моего отца
 И ваше уважаемое имя,
 Упорно отрицая получение
 Того, что вам уплачено исправно.

КОРОЛЬ.

Клянусь, впервые слышу. Докажите
 Мне это, и верну я вам сто тысяч
 Иль Аквитанию.

ПРИНЦЕССА.

Довлю на слове.
 Бойе, вручите королю расписку,
 Которой казначей его отца
 Уплату подтверждает.

КОРОЛЬ.

Я прошу вас.

БОЙЕ.

Простите, государь, еще не прибыл
 Из Франции пакет с распиской вашей,
 Но будет завтра мною вам представлен.

КОРОЛЬ.

Надеюсь я, что, рассмотрев ее,
 Пойду на все разумные уступки.
 Теперь согласие дайте на прием,
 Который, чести не пятная, честь
 Окажет вам, достойная принцесса.
 Хотя нельзя вам в мой дворец вступить,
 Вас в парке примут так, что вы поймете,
 Какое место вам я в сердце дал,

Не оказав гостеприимства в доме.

422

Ваш благородный ум простит меня.
Прощайте! Завтра вас я навещу.

ПРИНЦЕССА.

Пускай во всем ждет вас преуспеянье!

КОРОЛЬ.

Желаю, чтоб сбылись твои желанья!

(Уходит.)

БИРОН.

Сударыня, я хотел бы предоставить вашему вниманию мое сердце.

РОЗАЛИНА.

Сделайте одолжение, предоставьте. Интересно на него взглянуть.

БИРОН.

Мне хочется, чтобы вы услышали его стоны.

РОЗАЛИНА.

Глупышка болен?

БИРОН.

Сердечною болезнью.

РОЗАЛИНА.

Так сделайте ему кровопусканье.

БИРОН.

Поможет ли такое врачеванье?

РОЗАЛИНА.

Как врач, отвечу: «Попытаться стоит».

БИРОН.

Так пусть ваш взор его пронзит и вскрыет.

РОЗАЛИНА.

Я и ножом могу его вспороть.

БИРОН.

Ну нет, пошли вам много лет господь.

РОЗАЛИНА.

А вам дай бог не слишком долго жить.

423

БИРОН.

За это трудно вас благодарить!

(Отходит в сторону.)

ДЮМЕН.

Кто эта дама там, – узнать бы я не прочь.

БОЙЕ.

То – Катерина, д'Алансона дочь.

ДЮМЕН.

Она прекрасна. До свиданья, сударь.

(Уходит.)

ЛОНГВИЛЬ.

Вон, сударь, особа вся в белом. Кто это?

БОЙЕ.

Чтоб даму узнать в ней, – довольно тут света.

ЛОНГВИЛЬ.

Да, вид у ней светский. А как ее звать?

БОЙЕ.

Все так же, как в детстве звала ее мать.

ЛОНГВИЛЬ.

Но кто ее отец?

БОЙЕ.

Мужчина, как известно.

ЛОНГВИЛЬ.

Насмешка неуместна!

БОЙЕ.

Прошу вас, успокойтесь!

Она – дочь Фоконбриджа.

ЛОНГВИЛЬ.

Отходчив я, не бойтесь.
Прелестнейшая дама!

424

БОЙЕ.

Что ж, я согласен с вами.

Лонгвиль уходит.

БИРОН.

А та, что в шляпе, кто?

БОЙЕ.

Розалина. А что?

БИРОН.

Кого в мужья ей прочат?

БОЙЕ.

Кого сама захочет.

БИРОН.

Прощайте, сударь. До свиданья.

БОЙЕ.

Свиданье – вам, а мне – прощанье.

Бирон уходит. Дамы снимают маски.

МАРИЯ.

Последним уходил Бирон, остряк известный.
Он вечно с новой шуткой.

БОЙЕ.

И вечно – с неуместной.

ПРИНЦЕССА.

Вы острастку ему дали с ловкостью лестной.

БОЙЕ.

А ведь тоже не промах в дуэли словесной!

МАРИЯ.

Прямо бой двух баронов.

БОЙЕ.

Баранов, верней:
Коль лужайка – ваш рот, попасусь я на ней.

МАРИЯ.

Мало чести сравнение делает вам.

425

БОЙЕ.

Хорошо здесь пастись!

(Хочет ее поцеловать.)

МАРИЯ.

Да не всяким скотам:
Частный выгон мой рот – не общинное поле.

Бойе

Кто ж владелец его?

МАРИЯ.

Я да божия воля.

ПРИНЦЕССА.

Неуместна война остроумия боле.
Лучше б тратили вы залпы шуток отборных
На Наваррца и слишком ученых придворных.

БОЙЕ.

Насколько я вижу, – а это уменье
Во взорах читать красноречье волнения
Меня не обманет, – король заражен.

ПРИНЦЕССА.

Но чем?

БОЙЕ.

Знакомой болезнью: он просто влюблен.

ПРИНЦЕССА.

А где доказательства?

БОЙЕ.

Он замер. Из тела ушедшая сила
Желаньем дворцы его глаз озарила,
А сердце, печать, на которой ваш лик
Свой отпечаток прекрасный оставил в тот миг,

Так формой своей возгордилось отныне,
Что их преисполнило блеском гордыни.
Язык запинался, сердясь, что во взгляд
Преобразоваться слова не спешат.
Все чувства пытались со зрением слиться,
Стремясь красотой из красот насладиться,
И были сокрыты в сиянии глаз,

426

Как будто в хрустальной шкатулке алмаз,
Где камень такую игрой ослепляет,
Что каждый купить его страстно желает.
Так жадно вам в очи он взоры вперял,
Что в книге лица на полях я читал:
«Бери Аквитанию. Все уступлю я,
Лишь дай мне вкусить твоего поцелуя».

ПРИНЦЕССА.

Пойдемте в шатер мой. Бойе в настроенье...

БОЙЕ.

Лишь высказать то, что увидело зренье.
Очей королевских безмолвную речь
Язык мой сумеет словами облечь.

РОЗАЛИНА.

В грех может столь опытный сводник вовлечь!

МАРИЯ.

Еще б! В волокитстве Бойе искушен:
Приходится внуком ему Купидон.

РОЗАЛИНА.

Ну, значит, лишь в мать уродилась Венера,
Поскольку отец безобразен сверх меры.

БОЙЕ.

Послушайте...

МАРИЯ.

Нет.

БОЙЕ.

Вы же видите сами...

РОЗАЛИНА.

Что время уйти нам.

Б О Й Е .

Не сладить мне с вами!

Уходят.

427

АКТ III.

СЦЕНА 1.

Там же.

Входят АРМАДО и МОТЫЛЕК.

АРМАДО.

Спой, мальчик. Воспламени мой слух.

МОТЫЛЕК (*поет*)

Ля-ре-ми-ля.

АРМАДО.

Прелестный напев! – Нежный цвет юности, возьми этот ключ, ступай освободи мужлана и незамедлительно доставь его сюда. Я хочу через его посредство направить письмо к моей возлюбленной.

МОТЫЛЕК.

Хозяин, а вы не пробовали воздействовать на нее по-французски?

АРМАДО.

Что ты под этим разумеешь? Объясняться с ней по-французски?

МОТЫЛЕК.

О нет, досточтимый хозяин. Вам нужно только насвистывать джигу языком и выделывать ногами канарийские коленца, вращая при этом глазами, вздыхая и вообще издавая разные звуки

428

то горлом, словно вы влюблено давитесь любовными словами, то носом, словно вы влюбленно вдыхаете любовный запах;

шляпу надвинуть на глаза, как навес на окна лавки; руки скрестить на вашем обвислом камзоле, как кролик лапки на вертеле, или засунуть в карманы, как рисовали на старинных портретах. И не задерживаться слишком долго на одном и том же: сделал, - и за другое. Этими приемами, этими хитростями и ловят милых женщин, а уж они только и ждут, чтоб их поймали. Таким-то образом мужчины – оцените мои слова! – и нагоняют себе цену.

АРМАДО.

Как ты приобрел такую опытность?

МОТЫЛЕК.

Имея на грош наблюдательности.

АРМАДО.

«О стыд! О стыд!»

МОТЫЛЕК.

«...Конек-скакунок позабыт!»

АРМАДО.

Уж не мою ли возлюбленную ты к коньку-скакунку приравниваешь?

МОТЫЛЕК.

Нет, хозяин. Конек-скакунок – жеребчик, а ваша возлюбленная – кобылка, да, наверно, еще и заезженная. Но разве вы позабыли вашу возлюбленную?

АРМАДО.

Почти что.

МОТЫЛЕК.

Какая нерадивость! Вы должны бы знать ее на память.

АРМАДО.

Да, на память, храня ее образ на сердце и в сердце.

МОТЫЛЕК.

И вне сердца, хозяин. Все эти три положения я берусь доказать.

АРМАДО.

Что же ты докажешь?

МОТЫЛЕК.

Умереть мне на месте, если я не докажу своей правоты, и притом – мигом. Возлюбленная у вас на сердце потому, что вы не можете на нее наглядеться; в сердце – потому, что вы влюблены в нее; вне сердца – потому, что, будучи для вас недостижимой, она не может удовлетворить ваши желания.

АРМАДО.

Все три положения ко мне подходят.

МОТЫЛЕК.

Да будь их хоть трижды три, из них все равно ничего не выйдет.

АРМАДО.

Приведи сюда мужлана. Я хочу послать его с письмом.

МОТЫЛЕК.

Удачный выбор: лошадь для осла самый подходящий посол.

АРМАДО.

Что? Как ты сказал?

МОТЫЛЕК.

Видите ли, сударь, вам следовало бы послать этого осла на лошади, потому что он изрядный тихход. Но я иду.

АРМАДО.

Дорога не длинна. Поспешай!

МОТЫЛЕК.

Быстрее свинца, сударь.

АРМАДО.

Что это значит, любезный мой выдумщик?

Свинец ведь тяжкий, грузный, медлительный предмет.

МОТЫЛЕК.

Minime⁴, мой хозяин; мне кажется, что нет.

АРМАДО.

Свинец – не скор.

МОТЫЛЕК.

Но слишком поспешен ваш ответ. Свинец-то разве медлит,
когда летит из пушки?

430

АРМАДО.

О, перл риторики!
Ты – бомба, раз я – пушка.
И выпалить собрался
В мужлана я тобою.

МОТЫЛЕК.

Ну, залп! И я помчался.

(Уходит.)

АРМАДО.

Остер речистый отрок не по летам порою.
Теперь тебе, о небо, я грусть свою открою
И мужество отброшу, чтоб повздыхать с тоскою.
Но вот и мой посланец.

Возвращается МОТЫЛЕК с БАШКОЙ.

МОТЫЛЕК.

Беда: Башке лодыжку, хозяин, вправить надо.

АРМАДО.

Начни с посыла, бросив загадки и шарады.

БАШКА.

Вот именно: очень мне гадко, и отрады никакой нет. И не
получал я, сударь, ни посыла, ни посылки. Ох, сударь! Одно
горе! Горе горькое! Не посыл, не посылка, а горе!

АРМАДО.

Клянусь честью, как ни крепись, а рассмеешься. Его тупость
разгоняет мою меланхолию. Движение моих легких вызывает у
меня неподобающую мне улыбку. О, простите меня, светила
небесные! Этот недоумок путает посыл с посылкой и посылку с
посылом!

МОТЫЛЕК.

А разве умник не сделает того же: посыл или посылка – не все
ли равно?

АРМАДО.

Нет, паж! Посыл – концовка иль вывод, придающий
Отчетливость и ясность всей речи предыдущей.

Например:

Лиса, мартышка, шмель втроем
Не могут четным быть числом.
Это – данное. Теперь – посыл.

431

МОТЫЛЕК.

Повторите-ка данное. Я сам сделаю посыл.

АРМАДО.

Лиса, мартышка, шмель втроем
Не могут четным быть числом.

МОТЫЛЕК.

Но если гусь к ним подойдет,
То нечет превратится в чет.
Теперь я начну сданного, а вы прибавьте посыл.
Лиса, мартышка, шмель втроем
Не могут четным быть числом.

АРМАДО.

Но если гусь к ним подойдет,
То нечет превратится в чет.

МОТЫЛЕК.

Отличный посыл в виде гуся! Чего еще душе желать?

БАШКА.

И вовремя же парень гуся приплел, клянусь!
Удачна сделка, сударь, когда упитан гусь.
На рынке этот малый обманет все и вся
И для посыла купит вам жирного гуся.

АРМАДО.

Постой! В чем было дело, когда я в спор вступил?

МОТЫЛЕК.

Башке лодыжку, сударь, я вправить предложил,
А вам посыл был нужен.

БАШКА.

Тут охнул я, а парень, придумав свой посыл,
На данное ответил и вам гуся всучил.

Тем торг и был закончен.

АРМАДО.

Но скажи на милость, каким же это образом у Башки повреждена лодыжка?

МОТЫЛЕК.

Извольте, я расскажу об этом с чувством.

432

БАШКА.

Да нет, ты не сумеешь, так как сам-то этого не почувствовал. Лучше уж я расскажу об этом в виде посылы: К вам я, Башка, пустился бежать, не чуя ног, Но вывихнул лодыжку, споткнувшись о порог.

АРМАДО.

Ну, хватит разговаривать об этой материи.

БАШКА.

Покуда из распухшей лодыжки не вытечет вся материя.

АРМАДО.

Слушай, Башка, я решил позволить тебе раскрепоститься.

БАШКА.

Да, поститься мне не очень-то по душе: я больше люблю гусиные посылы.

АРМАДО.

Клянусь моей нежной душой, я хотел сказать, что возвращаю тебе свободу, выпускаю тебя на волю, ибо ты пребывал в заключении, в темнице, в тюрьме, под запором.

БАШКА.

Так, так, а вы, значит, будете вроде слабительного при моем запоре?

АРМАДО.

Я дарую тебе свободу, отпускаю тебя на волю и взамен этого ставлю одно условие: передай поселянке Жакнете этот знак внимания. (Дает ему письмо.) А вот тебе репарация (дает ему деньги), ибо главная гарантия моего высокого достоинства в

том, что я гарантирую вознаграждение моим подчиненным.
Мотылек, следуй за мной.

(Уходит.)

МОТЫЛЕК.

Как день вослед за ночью. Прощай, Башка почтенный!

БАШКА.

О, лакомый кусочек! Лукавства перл бесценный!

МОТЫЛЕК *уходит.*

А теперь посмотрим, что это еще за репарация. Репарация! Да это латинское слово означает всего-навсего три гроша. Три гроша – репарация. «Сколько стоит эта лента?» – «Три гроша».

433

- «Нет, я заплачу вам репарацию». Вот это да! Репарация-то звучит внушительнее, чем французская крона. Никогда не буду ни покупать, ни продавать без этого слова.

Входит БИРОН.

БИРОН.

А, милейший Башка! Вот кстати я с тобой встретился.

БАШКА.

Скажите, пожалуйста, сударь, сколько лент тельного цвета можно купить на репарацию?

БИРОН.

А что такое репарация?

БАШКА.

Осмелюсь доложить, сударь, три гроша.

БИРОН.

Значит, и купить можно на три гроша.

БАШКА.

Покорно благодарен, ваша милость. Имею честь кланяться.

БИРОН.

Стой, малый! Порученье есть,
И ты его исполнишь, если хочешь
Мое благоволение заслужить.

БАШКА.

А когда его нужно исполнить?

БИРОН.

Сегодня днем.

БАШКА.

Слушаюсь, сударь, будет исполнено. До свиданья.

БИРОН.

Но ты же не знаешь, в чем оно заключается.

БАШКА.

Исполню, так узнаю.

БИРОН.

Брось дурачиться, мошенник! Нужно раньше знать, в чем дело.

434

БАШКА.

Вот я и приду к вашей милости завтра утром пораньше.

БИРОН.

Нет, это надо сделать сегодня же. Слушай, поручение состоит в следующем:

Сюда придет охотиться принцесса.
С ней будет благородная девица,
Чье имя Розалина. Нет на свете
Имен нежнее! Ты ее отыщешь
И в руки белоснежные ей вложишь
Вот эту запечатанную тайну.
Возьми свой гонорарий и ступай.

(Дает ему шиллинг.)

БАШКА.

Гонорарий? Очень приятный гонорарий. Лучше, чем репарация. На целых одиннадцать пенсов и один грош лучше. Очень-очень приятный гонорарий. Все сделаю, сударь, как по писаному. Гонорарий! Репарация!

(Уходит.)

БИРОН.

Как? Я на самом деле влюблен? Я, который всегда был бичом любви.

Гонителем заядлым томных вздохов,
Их критиком, суровым полицейским,
Я, кто был строже, чем педант-учитель
Со школьником, с мальчишкой Купидоном!
Слепой, плаксивый, своенравный мальчик,
Дитя и старец, карлик и гигант,
Правитель рифм, властитель рук сплетенных,
Помазанник унылых воздыханий,
Король разочарованных лентяев,
Владыка юбок и монарх штанов,
Ты – император и верховный вождь
Прелюбодеев. Как я слаб душою!
Мне ль быть капралом в армии твоей
И, как шуту, цвета твои носить?
Что? Я влюблен? За женщиной охочусь?
Она ж непостоянней, ненадежней,
Капризней, чем немецкие часы,
Которые всегда неверно ходят,
Как ни трудись ухаживать за ними.

435

Но худшее – в том, что обет нарушил
И худшую из трех я полюбил:
Белесую, бровастую бабенку
С шарами смоляными вместо глаз.
Клянусь, ее от блуда не удержишь,
Хоть Аргуса поставь над нею стражем.
А я по ней томлюсь! Молю ее!
Из-за нее не сплю! Наверно, мне,
Презревшему могущество его,
Мстит всемогущий крошка Купидон.
Что ж! Вздохи, письма, просьбы пустим в ход;
Ведь любишь ту, кого судьба пошлет.

(Уходит.)

436

АКТ IV.

СЦЕНА 1.

Там же.

Входят ПРИНЦЕССА *со свитой*, РОЗАЛИНА, МАРИЯ, КАТЕРИНА, БОЙЕ и
ЛЕСНИЧИЙ.

ПРИНЦЕССА.

Кто там коня пришпоривал так рьяно,
На холм взлетая? Это был король?

БОЙЕ.

Не знаю, но сдается, что не он.

ПРИНЦЕССА.

Кем бы он ни был, дух его высок.
Ну, господа, покончив с делом нынче,
В субботу мы во Францию уедем.
Эй, друг-лесничий, укажи нам чащу,
Где мы могли б в убийство поиграть.

ЛЕСНИЧИЙ.

Пройдемте на опушку этой рощи –
Там самая прекрасная охота.

437

ПРИНЦЕССА.

Прекрасна я, и страсть моя – охота.
Не потому ль, все это сопоставив,
Ты мне сулишь прекрасную охоту?

ЛЕСНИЧИЙ.

Простите, я не то в виду имел.

ПРИНЦЕССА.

Как? Ты хвалу обратно взять посмел?
Увы! Недолго ж слава тешит нас!

ЛЕСНИЧИЙ.

Прекрасны вы.

ПРИНЦЕССА.

Не льсти на этот раз.
Прекрасной я не стану от прикрас.
Возьми-ка мзду, правдивое зеркало.

(Дает ему деньги.)

Дать золотой за брань – отнюдь не мало.

ЛЕСНИЧИЙ.

Все дышит в вас одною красотой!

ПРИНЦЕССА.

Как? Красоту вернул мне золотой?
Вот где порок, присущий нашим дням:
Хвалить мы склонны тех, кто платит нам.
Ко мне, мой лук! Я доброты полна,
Но, раз охочусь, злою быть должна.
Нет, на охоте не грозит мне срам:
Сошлюсь на жалость, если промах дам,
И объясню, попав, что не убить
Хотелось мне, а ловкость проявить.
Вот так порой, и в этом нет сомненья,
Кичливость порождает преступленья.
Меняем мы на почести и лесть
То лучшее, что в нашем сердце есть.
И лань я из тщеславия убью,
Хоть к ней ни капли злобы не таю.

438

БОЙЕ.

Не то же ль чувство воодушевляет
Ту дрянь-жену, которая желает
Себя над мужем госпожой поставить?

ПРИНЦЕССА.

О да, тщеславье. И должны мы славить
Жен, спесь с господ своих сумевших сбавить.

Входит БАШКА.

Но вот один из королевской братьи.

БАШКА.

Добрый день всей компании. Скажите на милость, где здесь
дама, которая всем голова?

ПРИНЦЕССА.

А разве ты, приятель, сам не можешь догадаться: ведь у
остальных-то нет голов.

БАШКА.

Кто здесь самая наибольшая, самая высокая?

ПРИНЦЕССА.

То есть самая толстая и самая длинная?

БАШКА.

Кто толще и длинней всех прочих? Ваша правда.
Ваш стан, будь он так тонок и гибок, как мой разум,
В браслет любой из этих девиц пролез бы разом.
Вы – толще всех и, значит, всем прочим голова?

ПРИНЦЕССА.

Чего же ты желаешь?

БАШКА.

Письмо для Розалины Бирон прислал со мною.

ПРИНЦЕССА.

Мы с ним друзья, любезный. Письмо сама я вскрою.
Подай его... Дичину, Бойе, вы резать мастер.
Вскрывают ж птичку.

439

БОЙЕ.

Вам я служить почту за счастье.
Но адрес перепутан посланцем, без сомненья.
Посланье-то – к Жакнете.

ПРИНЦЕССА.

Довольно промедленья.
Сверните шею воску и начинайте чтение.

БОЙЕ (*читает*)

«Клянусь небом, несомненно, что ты прекрасна, неоспоримо, что ты красива, истинно, как сама истина, что ты привлекательна. Ты, которая красивее красоты, привлекательней привлекательности, истинней истины, сжался над твоим героическим вассалом! Доблестный и достолавный король Кофетуа обратил взоры свои на пагубную и несомненную нищенку Зенелофон. И он имел полное право сказать: *veni, vidi, vici*, что в переводе на язык черни – о, этот низкий и невнятный язык! – означает, *videlicet*⁵: пришел, увидел. победил. Пришел – раз, увидел – два, победил – три. Кто пришел? Король. Зачем пришел? Чтоб увидеть. Зачем увидел? Чтобы победить. К кому пришел? К нищенке. Кого увидел? Нищенку. Кого победил? Нищенку. В итоге – победа. На чьей стороне? На стороне короля. Жертва выиграла. На чьей стороне выигрыш? На стороне нищенки. Катастрофа же заключается в браке. С чьей стороны? Со стороны короля? Нет, со стороны обоих в одном или со стороны одного в обоих. Я – король, ибо на это указывает

сравнение. Ты – нищенка, ибо об этом свидетельствует твое низкое происхождение. Прикажу ли я тебе любить меня? Мог бы. Прибегну ли для этого к насилию? Сумел бы. Стану ли искать твоей любви? Намереваюсь. Что получишь ты в обмен на отрепья? Наряды. В обмен на убожество? Почести. В обмен на себя? Меня. В ожидании ответа оскверню мои губы твоими стопами, глаза – твоим обликом, сердце – всеми частями твоего тела.

Твой, в глубочайшей готовности к служению пребывающий
дон Адриано де Армадо.

Овечка, слышишь, как Немейский лев
Рычит, свирепо лапой землю роя?
Склонись пред ним, и он смягчит свой гнев,
И с жертвой позабавится игрою.

440

Но если с ним попробуешь бороться,
Стать пищей для него тебе придется».

ПРИНЦЕССА.

Кто мог сложить такое послание в стихах?
Петух самовлюбленный? Иль щеголь-вертопрах?

БОЙЕ.

Коль я не ошибаюсь, мне этот слог знаком.

ПРИНЦЕССА.

Еще б! Прочесть успели вы подпись под письмом.

БОЙЕ.

Письмо писал испанец Армадо, нравом вздорным
Похожий на Монархо и служащий придворным
И королю забавой.

ПРИНЦЕССА.

Ответь, приятель, внятно,
Кто дал тебе посланье.

БАШКА.

Мой господин, понятно.

ПРИНЦЕССА.

К кому ж ты им отправлен?

БАШКА.

К кому? Известно, к даме.

ПРИНЦЕССА.

Кто господин? Кто дама?

БАШКА.

Меня сюда направил мой господин Бирон.
Шлет даме Розалине письмо со мною он.

ПРИНЦЕССА.

Ты адресом ошибся. Ну, время нам идти.

(Розалине.)

Письмо еще получишь. Бедняжка, не грусти.

ПРИНЦЕССА *со свитой уходит.*

441

БОЙЕ.

Кто это в сердце ранен?

РОЗАЛИНА.

Ответить вам, друг мой?

БОЙЕ.

О чудо совершенства, ответь!

РОЗАЛИНА.

Олень лесной.

Вам мой ответ по вкусу?

БОЙЕ.

Да, нынче насмерть много зверей рогатых ранят,
Но после вашей свадьбы их втрое больше станет.
А мой ответ по вкусу?

РОЗАЛИНА.

Ну, что ж! Теперь мой выстрел.

БОЙЕ.

А дичь-то где же ваша?

РОЗАЛИНА.

Хотите, так рогами и вам я лоб украшу.
Вам мой ответ по вкусу?

МАРИЯ.

Не в бровь, а в глаз попал он. Бойе, сдавайтесь.

БОЙЕ.

А ей попало ниже. Что? Меток я? Сознайтесь.

РОЗАЛИНА.

Насчет твоей меткости я могу сказать стишком, который уже состарился к тому времени, когда король Пипин Французский был еще мальчишкой.

БОЙЕ.

А я тебе тоже отвечу песенкой, которая уже состарилась к тому времени, когда королева Джиневра Британская была еще девчонкой.

РОЗАЛИНА.

Попасть ты не можешь, не можешь, не можешь,
Не можешь, мой друг дорогой.

442

БОЙЕ.

Пусть я не могу, не могу, не могу,
Но сможет попасть другой.

БАШКА.

Ну и потеха, право! Стрелки, видать, умелы.

МАРИЯ.

Да, точно в центр мишени они вгоняют стрелы.

БОЙЕ.

В мишень? Тогда давайте начертим круг на ней,
Чтоб в бок не угодил я, спеша, стрелой своей.

МАРИЯ.

Вы цель пробить не в силах: слаба у вас рука.

БАШКА.

А вы б поближе встали – так легче для стрелка.

БОЙЕ.

В моей руке нет силы, но есть в руке ее.

БАШКА.

Пусть в круг сама рукою направит острие.

МАРИЯ.

Фи, мерзость! Вряд ли можно найти язык грязнее!

БАШКА.

Играть в шары вам лучше: в стрельбе не сладить с нею.

БОЙЕ.

Я расколоть боюсь их. Эй, филин, честь имею!

БОЙЕ и МАРИЯ уходят.

БАШКА.

Клянусь душой моею, он просто грубиян.
Но дамами и мною ему урок был дан.
Ух, до чего ж все ловки. Крепка любая шутка:
На первый взгляд невинна, а непристойна жутко.
Вот, например, Армадо. – Ну, чем не кавалер!
Как вьется возле дамы, ей веер подает,
Целует нежно ручки, пускает клятвы в ход!

443

А паж его! О боже! Совсем мозгляк на вид,
Зато поди поспорь с ним – троих переострит.
За сценой шум охоты.
Э-гей! Э-гей!

(Убегает.)

СЦЕНА 2.

Там же.

Входят ОЛОФЕРН, ОТЕЦ НАТАНИЭЛЬ и ТУПИЦА.

НАТАНИЭЛЬ.

Воистину забава сия достойна уважения, что и могу засвидетельствовать с чистой совестью.

ОЛОФЕРН.

Олень, как вы видели, был *sanguis*⁶ – хороших кровей, зрелый, как наливное яблоко, которое, подобно рубину, висит и висит в ухе *coelum*⁷ - неба, тверди, небосвода, – а потом вдруг низвергается, как плод дикой яблони, на лик *terre*⁸ - земли, почвы, континента.

НАТАНИЕЛЬ.

Воистину, господин Олоферн, вы разнообразите эпитеты ваши с приятностью, которой позавидует любой ученый, но смею вас заверить, сударь, что это был козел, еще не менявший первых рогов.

ОЛОФЕРН.

Отец Натаниэль, *haud credo*⁹.

ТУПИЦА.

Да не *haud credo* это был, а козленок.

ОЛОФЕРН.

Какое невежественное сопоставление! Это прямо инсинуация, сделанная *in via* – на пути к экспликации, которая имела целью *facere*¹⁰ реплику или скорее *ostentare* – раскрыть ваше намерение с помощью столь неподобающей, неучливой, невежливой, необдуманной, неуклюжей, вернее, необразованной, или, что еще вернее, вовсе несообразной попытки уподобить мое *haud credo* оленю.

444

ТУПИЦА.

А я говорю, что зверь был не *haud credo*, а козленок.

ОЛОФЕРН.

Дважды прокипяченная глупость.

О, как твой чудовищный облик, невежество, странен и дик!

НАТАНИЕЛЬ.

Но он ведь не пробовал меда, что мы извлекаем из книг. Он, смею так выразиться, не ел бумаги и не пил чернил, тая что ум его не получил пищи. Он вроде животного, у которого восприимчивостью обладают только самые грубые органы. Вид этих бесплодных растений признательность должен внушать.

Нам, людям, которые могут плоды воспитания вкушать.

Как глупым, болтливым, тщеславным я не в состоянии быть, Так было б нелепо за книгу подобных невежд засадить.

Но я, говоря *omne bene*¹¹, сошлюсь на старинное мненье:

«Иной, кому по сердцу буря, от ветра приходит в смятенье».

ТУПИЦА.

Вы оба – ученые люди. Кто мне, господа, назовет,

О ком говорится в загадке: «Четыре недели в тот год,

Как Каин родился, мне было, а пятая – все не идет?»?

ОЛОФЕРН.

О Диктине, добрейший Тупица, о Диктине.

ТУПИЦА.

Это что еще за Диктина?

НАТАНИЭЛЬ.

Это наименование Фебы, Lunaе, луны.

ОЛОФЕРН.

Когда Адаму месяц исполнился всего,
Луна была на небе ровесницей его.
Хотя с тех пор он прожил пять раз по двадцать лет,
Луна не постарела: пяти недель ей нет.
От перемены названий соотношение не меняется.

445

ТУПИЦА.

Что верно, то верно: от перемены названий соотношение не меняется.

ОЛОФЕРН.

Да укрепит твой разум Всевышний. Я говорю: от перемены названий соотношение не меняется.

ТУПИЦА.

Ну и я говорю, что от перемены названий поношение не меняется. Луне больше месяца отродясь не бывало. А еще я говорю, что олень, застреленный принцессой, был козленком.

ОЛОФЕРН.

Отец Натаниэль, угодно вам выслушать сымпровизированную иной эпитафию на смерть этого животного? Для вящего разумения невежд я именую оленя, которого застрелила принцесса, козлом.

НАТАНИЭЛЬ.

Perge¹², почтеннейший Олоферн, perge, но только избегайте, пожалуйста, неблагопристойностей.

ОЛОФЕРН.

Я позволил себе некоторую игру созвучий, ибо это придает стихам легкость.

Принцесса, прелести полна, прицелившись, попала
В козла, который скок козлом в кусты, но меж кустов
Свалился с ног, стрелой сражен. Собачья стая стала
Рвать раны робкой жертвы в кровь, рыча под рев рогов.
Так, зло и всем козлам назло, беззлобному козлу
Принцесса причинила зло, хоть не склонна ко злу.

НАТАНИЭЛЬ.

Редкая способность!

ТУПИЦА (*в сторону*)

Драть чужие уши. Это он доказал.

ОЛОФЕРН.

Природа дарования, коим я обладаю, очень-очень проста. Ум мой от рождения предрасположен к фантазии, причудливо выражающейся в образах, фигурах, формах, предметах, понятиях, представлениях, порывах и отступлениях. Зачинаются они во

446

чреве памяти, возрастают в лоне *ria mater*¹³ и рождаются на свет с помощью благосклонной случайности. Но дарование расцветает лишь в том, в ком оно достигает остроты. Мне на свое жаловаться не приходится.

НАТАНИЭЛЬ.

Сударь, я благодарю творца, пославшего нам вас. И мои прихожане тоже. Вы отлично печетесь об их сыновьях, да и дочерям их от вас большая польза. Вы – добрый член нашей общины.

ОЛОФЕРН.

*Mehercle*¹⁴! Если их сыновья сообразительны, я не обделю их познаниями; если их дочери способны, я приспособлю их к делу. Но *vir sapit, qui rausa logitur*¹⁵. Какая-то особа женского пола приветствует нас.

Входят ЖАКНЕТА и БАШКА.

ЖАКНЕТА.

Добрый день, наш духовный отец.

ОЛОФЕРН

«Духовный» - «Дух-овный»! Почти что «дух овна́». Кого же вы это подразумеваете?

БАШКА.

Отца Натаниэля, господин учитель. Ведь он больше всех личиком на барана похож.

ОЛОФЕРН

Овен - баран! Какой проблеск остроумия в этой щепоти праха! Для кремня в нем довольно искры, для свиньи – бисера. Очень мило! Очень удачно!

ЖАКНЕТА.

Отец мой, будьте добры, прочтите мне это письмо. Мне принес его Башка, а прислал дон Армадо. Прошу вас, прочтите, пожалуйста.

ОЛОФЕРН

«Fauste, precor gelida, quando pecus omne sub umbra ruminat...¹⁶» и так далее. О, добрый старый Мантуанец! Смею сказать о тебе тоже, что путешественники о Венеции:

447

«Venegia, Venegia,

Chi non te vede, non te pregia¹⁷».

Старый Мантуанец! Старый Мантуанец! Тебя не ценит лишь тот, кто не понимает. До-ре-соль-ля-ми-фа. - Прошу прощения, сударь, каково содержание письма? Или, вернее, как говорит Гораций в своих... каких, то есть, стихах?

НАТАНИЭЛЬ

Да, сударь, в стихах и притом очень искусных.

ОЛОФЕРН

Дайте мне прослушать какую-нибудь строфу, один куплет, один стих. *Lege, domine*¹⁸.

НАТАНИЭЛЬ

«Как клясться мне в любви? Я клятву преступил.

Ах, лишь одной красе мы верность соблюдаем.

Но, изменив себе, тебе я верен был.

Мой дух, сей дуб, тобой, как ветвь лозы, стигаем.

В тебе наука вся. Твои глаза – родник,

Где можно почерпнуть все радости ученья.

Тот, кто познал тебя, познания достиг;

Тот мудр, чей ум сумел тебе воздать хваленья.

Лишь неуч не придет в восторг перед тобой.
Коль горд я смею быть, горжусь, что обожаю
И пламя глаз твоих, и голос гневный твой,
Который музыкой небесной почитаю.
О неземная, я простить меня молю
За то, что языком земным тебя хвалю».

О Л О Ф Е Р Н

Вы скандируете небрежно, и поэтому теряется размер. Дайте мне взглянуть на канцонетту... Здесь соблюдено только количество стоп, но изящество, легкость и золотая поэтическая каденция – caret¹⁹. А вот Овидий Назон был мастером в этих делах. За что его называли Назоном? За то, что он имел нюх на благоуханные цветы воображения, на причуды вымысла. Imitari²⁰ – грош цена: и собака подражает псарю, обезьяна – хозяину, выезженная лошадь – седоку. Итак, девственная damosella²¹, письмо адресовано вам?

448

Ж А К Н Е Т А .

Так точно, сударь. Оно от Бирона, придворного иноземной принцессы.

О Л О Ф Е Р Н

Жажду взглянуть на адрес. «В белоснежные руки прелестнейшей госпожи Розалины». Просмотрю-ка еще раз все письмо, чтобы узнать из подписи имя отправителя. «Вашей милости покорнейший слуга Бирон». – Отец Натаниэль, этот Бирон – один из сподвижников короля по обету затворничества. Письмо же написано им одной из фрейлин иностранной принцессы и, по ошибке или по пути следования, попало не по назначению. – (Жакнете.) Ты, душа моя, отчаливай, беги и вручи это послание королю в собственные руки. Оно может иметь большое значение. Не мешкай, прощаясь. Освобождаю тебя от этой условности. До свиданья!

Ж А К Н Е Т А .

Идем со мной, добрый Башка. – Храни вас бог, сударь!

Б А Ш К А .

Пошли, девочка.

Б А Ш К А и Ж А К Н Е Т А уходят.

НАТАНИЭЛЬ.

Сударь, вы поступили как человек богобоязненный. По этому поводу сказано у одного из отцов церкви...

ОЛОФЕРН.

Сударь, не говорите мне об отцах церкви. Я боюсь преувеличенных похвал. Но возвратимся к стихам. Понравились они вам, отец Натаниэль?

НАТАНИЭЛЬ.

Написаны они великолепно.

ОЛОФЕРН.

Сегодня я зван на обед к отцу одного из моих питомцев. Если вы соблаговолите почтить эту трапезу своим присутствием и благословением, я ручаюсь, - ибо пользуюсь влиянием на родителей вышесказанного дитяти или питомца, - вы будете там *ben venuto*²². И я докажу вам, что эти стихи безграмотны и лишены аромата поэзии, изобретательности и остроумия. Не откажите составить мне компанию.

449

НАТАНИЭЛЬ.

Покорно благодарю, ибо компания, как гласит писание, украшает жизнь.

ОЛОФЕРН.

И на этот раз текст писания непогрешимо верен.

ТУПИЦА.

Вас, приятель, я тоже приглашаю. Никаких отговорок, - *рауса verba*²³. Вперед! Господа забавляются охотой. Не худо и нам развлечься.

Уходят.

СЦЕНА 3.

Там же.

Входит БИРОН с бумагой в руке.

БИРОН.

Король гонится за оленем, а я – за самим собой. Он расставляет силки и мажет их смолой, а я сам запутался в них

и выпачкался в смоле. А смола марает. Замаран – мерзкое слово. Ну, что ж! Посиди со мной, скорбь. Так, говорят, говорил шут. И я говорю то же. Значит, я тоже шут. Верная мысль! Клянусь создателем, любовь безумна, как Аякс. Он убивал баранов, она убивает меня. Стало быть, я тоже баран. Опять-таки верная мысль! Не хочу я быть влюбленным! Пусть меня повесят, если лгу. Совсем не хочу. Но глаз у нее! Ах, не будь этого глаза, я б не влюбился. Глаза. Два глаза! А ведь я только и делаю, что лгу. Да еще самому себе. Видит небо, я влюблен. Любовь обучила меня стихотворству и меланхолии. И вот уже готов образец моих стихов и моей меланхолии. У госпожи в руках один из моих сонетов. Послал его шут, отнес дурак, получила дама. О милый шут, дурак милее тебя, а уж дама всех милее. Клянусь, я б не стал беспокоиться так, попадись и другие впросак. Да вот один из них; в руках у него бумага. Помоги ему, господи, повздыхать в свое удовольствие.

(Влезает на дерево.)

Входит КОРОЛЬ с бумагой в руках.

КОРОЛЬ.

Ах!

450

БИРОН (в сторону)

Ей-богу, и он ранен. Продолжай, милый Купидон. Твоя пернатая стрела угодила ему под левый сосок. Сейчас узнаю все его тайны.

КОРОЛЬ (читает)

«Луч золотого солнца не затмит,
В час утра розу влажную целуя,
Твой взор, с моих стирающий ланит
Росу, которой ночью их залью я.
Светлей, чем полный месяц в небесах,
Глядящийся в серебряные волны,
Твой лик, который отражен в слезах,
Из глаз моих струящихся безмолвно.
Меж них любую ты считать могла б
Своею колесницей триумфальной:
Тебе в слезе, которой плачет раб,
Тем больше чести, чем она печальней.
Так не люби, коль хочешь, чтоб сверкал
Твой лик всегда из этих слез-зеркал.

Цариц царица, ум и речь не властны
Постичь и передать, как ты прекрасна».
Как ей поведать о моей печали?
Письмо в ветвях оставлю. О листва,
Мое безумье скрой! – Кто там идет?

(Прячется за дерево.)

Входит Лонгвиль с бумагой в руке.

КОРОЛЬ *(в сторону)*

Лонгвиль! Ба, он читает. Слух, внимли!

БИРОН *(в сторону)*

Уже три дурака сюда пришли.

ЛОНГВИЛЬ.

Ах! Я обет попра!!

БИРОН *(в сторону)*

Бумагу держит
Он, как клятвопреступник, на груди.

451

КОРОЛЬ *(в сторону)*

Влюблен! Я рад, что делит он мой срам.

БИРОН *(в сторону)*

Пьянчужек любит тот, кто выпил сам.

ЛОНГВИЛЬ.

Ужели первым я обет презрел?

БИРОН *(в сторону)*

Утешься! От двоих ты уж отстать успел.
Триумвират наш полон. Вслед двум другим влюбленным
На рель тройную вздернут ты будешь Купидоном.

ЛОНГВИЛЬ.

А вдруг сложил бездарные стихи я?
Любви моей владычица! Мария!
Порву их. Ведь не все из нас пииты.

БИРОН *(в сторону)*

Стихи – галун, в штаны Амура вшитый.

Не рви его одежду.

ЛОНГВИЛЬ.

Будь что будет.

(Читает.)

«Хоть ты смогла риторикой очей, –
Кто с ней, небесной, спорить в состоянье? –
Меня от клятвы отвратить моей,
Я не страшусь за это наказанья.
Нет, не презрел я клятву. Ты – богиня,
А я от женщин отрекался лишь
И получу помилованье ныне,
Коль милостью меня ты подаришь.
Обет – дыханье, а дыханье – пар.
Впивай его, как солнце в вышине,
Не отвергая мой смиренный дар.

452

Хоть я виновен, нет вины на мне:
Какой глупец откажется от рая,
Земной обет нарушить не желая?»

БИРОН *(в сторону)*

Богинею гусыню и мясо божеством
Он счел, влюбясь. Что делать с таким еретиком?
Прости, господь, но страсти нас всех с пути собьют.

Входит Дюмен с бумагой в руке.

ЛОНГВИЛЬ.

Как переслать? – Бежим. Сюда идут.

(Прячется за дерево.)

БИРОН *(в сторону)*

Играют в прятки ребяташки тут.
Как полубог, вверху я восседаю,
За тайнами безумцев наблюдаю.
Дюмен! На мельницу еще мешок!
Четвертый карп попался на крючок.

ДЮМЕН.

Божественная Кет!

БИРОН *(в сторону)*

Эх, простачок!

ДЮМЕН.

Клянусь, сияешь ты красой небесной!

БИРОН *(в сторону)*

Клянусь, он лжет: она весьма телесна.

ДЮМЕН.

Ты золото затмишь своей косой.

БИРОН *(в сторону)*

Вот диво! Ворон масти золотой!

453

ДЮМЕН.

Стройна, как кедр!

БИРОН *(в сторону)*

Вот врать ему не лень:

Плечом она крива.

ДЮМЕН.

Светла, как день!

БИРОН *(в сторону)*

Да, если с хмурым днем сравнить ее.

ДЮМЕН.

Осуществись, желанье.

ЛОНГВИЛЬ *(в сторону)*

И мое!

КОРОЛЬ *(в сторону)*

О боже, и мое сверши!

БИРОН *(в сторону)*

Аминь – да и мое! Молитвы хороши!

ДЮМЕН.

Она, как жар, живет в моей крови:

Хочу забыть, но помню о любви.

БИРОН *(в сторону)*

Как жар в крови? О, бред пустой, хоть сладкий!
Пустите кровь – и будет все в порядке.

454

ДЮМЕН.

Еще разок письмо я прочитаю.

БИРОН (*в сторону*)

Еще одной я глупости внимаю.

ДЮМЕН (*читает*)

«Раз весной, – увы, весь год
Для любви весна цветет, –
Розу я увидел вдруг.
Ветер тихо дул на луг
И, резвясь, лобзал слегка
Венчик бархатный цветка.
Я, ревнуя к ветерку
И томясь, сказал цветку;
- Если б этих нежных щек
Я, как он, коснуться мог!
Но тебя мне рвать не след:
Руки мне связал обет.
Ах, он тяжек молодым:
Розы рвать в охоту им.
Не сочти за грех, молю,
Что его я преступлю.
Если б Зевс тебя нашел,
Он жену б арапкой счел,
О бессмертье позабыл
И тебя одну любил!»
Послав стихи, письмо к ним приложу.
В нем о сердечных муках расскажу.
О, если бы король, Лонгвиль, Бирон
Влюбились тоже, был бы извинен
Мой грех и смыт с чела позора след –
Где виноваты все, виновных нет.

ЛОНГВИЛЬ (*подходит*)

Дюмен, любовь безжалостна твоя.
Зачем в тоске тебе нужны друзья?
Бледнеешь ты? Я б стал красней огня,
Подслушай так же кто-нибудь меня.

455

КОРОЛЬ (*подходит*)

Красней! Раскрыта и твоя измена.
Ты согрешил вдвойне, браня Дюмена.
О да! К Марии нет любви в Лонгвиле.
Вы в честь ее сонет не сочинили.
Руками вы не стискивали грудь,
Чтоб сердце успокоить как-нибудь.
Тем временем я здесь в кустах сидел
И, видя вас, за вас двоих краснел.
Я слышал все греховные признанья,
Стихи и речи, вздохи и стенанья.
Один взывал: «Увы!», другой – «Зевес!» –
«Ах, злато кос!» – «Ах, очи – синь небес!»

(*Лонгвилю.*)

Один, чтоб в рай войти, нарушил слово.

(*Дюмену.*)

Распутником стал Зевс в устах другого.
Что б вам сказал Бирон, будь он при этом
Глумленье над торжественным обетом?
Как издевался б, как торжествовал,
Острил, смеялся, прыгал, ликовал!
За всю мою казну, скажу по чести,
Быть не хотел бы я на вашем месте.

БИРОН.

Ну, время наказать ханжей настало.

(*Слезает с дерева.*)

Мой государь, прошу простить вассала.
Вы за любовь корите двух червей,
А сами влюблены еще сильнее.
Не ваши ль слезы словно колесницы?
Не в них ли лик принцессы сохранится?
О, нет! Уж вы-то клятвы не презрели!
Сонеты ж пишут только менестрели!
Не стыдно ль вам за ханжество такое,
В котором вы уличены все трое?
В глазах вы сор узрели у других;
В них вижу я бревно у всех троих.
О, при какой присутствовал я сцене!
Безумье, грусть, стенанья, вздохи, пени!

О, как я долго молча возмущался
Тем, что монарх в букашку превращался.
Что на скрипице Геркулес пиликал,
Что джигу мудрый Соломон мурлыкал,
Что Нестор в чехарду с детьми играл
И что Тимон их игры одобрял!
Дюмен любезный, что за мрачный вид?
Лонгвиль, признайтесь, что у вас болит?
У вас, король? Живот? Грудная клетка?
Эй, рвотного!

КОРОЛЬ.

Ты шутишь слишком едко.
Ужель наш срам тобой разоблачен?

БИРОН.

Не мною вы – я вами осрамлен,
Я, честный, я, наивный, я, считавший
Грехом презреть обет, меня связавший,
Как посрамлен за дружбу с вами я,
Мои непостоянные друзья!
Видали ль вы, чтоб я стихи строчил,
Вздыхал по юбкам, щегольством грешил?
Пришлось ли вам когда-нибудь слышать,
Чтоб восхвалял я формы, плечи, статью,
Походку, ручки, ножки, грудь, персты,
Глаза...

(Хочет бежать.)

КОРОЛЬ.

Зачем бежать, раз честен ты.
Лишь вору есть нужда в подобной прыти.

БИРОН.

Бегу любви. Влюбленные, пустите.

Входят ЖАКНЕТА и БАШКА.

Жакнета

Храни вас бог, король.

КОРОЛЬ.

С чем вы пришли?

БАШКА.

С изменой.

457

КОРОЛЬ.

Как вы впасть в нее могли?

БАШКА.

Никак.

КОРОЛЬ.

А если так, то вы с изменой вашей
Уйдите с глаз моих, иль вас прогонят взащей.

ЖАКНЕТА.

Письмо, государь, соизвольте прочесть.
Священник сказал, что измена в нем есть.

КОРОЛЬ.

Бирон, читай.

(Дает ему письмо.)

Кто дал тебе его?

ЖАКНЕТА.

Как кто? Башка.

КОРОЛЬ *(Башке)*

Кто дал тебе его?

БАШКА.

Дун Аграмадьо, дун Аграмадьо.

КОРОЛЬ.

Бирон, да что с тобою? Зачем ты рвешь листки?

БИРОН.

Вы, государь, не бойтесь: там только пустяки.

ЛОНГВИЛЬ.

Однако он взволнован. Прочту-ка я клочки.

(Подбирает их.)

ДЮМЕН.

Да то Бирона почерк. И подпись здесь его.

БИРОН (*Башке*)

Ублюдок, ты причина позора моего!
Виновен я, виновен и каяться готов.

458

КОРОЛЬ.

В чем?

БИРОН.

В том, что перед вами четвертый из глупцов.
Вы, я и эти двое уличены в обманах.
Пусть Купидон повесит нас, как воров карманных.
Ушлите посторонних, чтоб я во всем сознался.

ДЮМЕН.

Числом мы стали четным.

БИРОН.

Четвертым я попался.
Пусть голубки уходят.

КОРОЛЬ.

А ну-ка вон! Живее!

БАШКА.

Изменники остались, а честных гонят в шею.

ЖАКНЕТА и БАШКА уходят.

БИРОН.

Друзей в любви обнять позвольте мне!
Верны, как плоти кровь, себе мы были.
С тех пор как солнце светит в вышине,
Старик-закон и юность не дружили.
Наперекор ему мы рождены,
А потому и клятве не верны.

КОРОЛЬ.

Как? Тот листок запиской был любовной?

БИРОН.

Еще б! Кто ж, видя Розалину, словно
Дикарь-индеец в час, когда сверкнет
С востока луч восхода раскаленный,
Не рухнет ниц и к праху не прильнет,

Смиренный и сияньем ослепленный?
 Кто б мог, на красоту ее лица
 Орлиным оком дерзновенно глядя,
 Не превратиться тотчас же в слепца?

КОРОЛЬ.

Как много слов звезды неяркой ради!
 Как солнце, блещет госпожа моя,
 Твоя же – только спутница светила.

БИРОН.

Без Розалины, – или я не я, –
 Навеки б тьма вселенную сокрыла.
 Все краски, слив сверкание свое,
 Украсили собой ее ланиты.
 Так совершенна красота ее,
 Что в ней одной все совершенства слиты.
 О риторы, язык мне дайте ваш! –
 Нет, прочь, ненужны ваши ухищренья!
 Пусть хвалит жалкий свой товар торгош,
 А Розалину лишь хулят хваленья.
 Лет пятьдесят из сотни с плеч долой
 Отшельник, заглянув ей в очи, сбросит
 И, к детству возвращенный красотой,
 Не костылей, а помочей попросит.
 Как солнце, блеск всему дает она.

КОРОЛЬ.

Но ведь она лицом смолы чернее.

БИРОН.

Она, хоть и черна, да мне нужна.
 Я буду счастлив обвенчаться с нею.
 Где Библия? Я присягну сейчас,
 Что даже красота с уродством схожа,
 Коль нет у ней таких же черных глаз,
 Коль у нее чуть-чуть светлее кожа.

КОРОЛЬ.

Софизм! Черны темница, ад и мгла,
 А красота сиянием одета.

БИРОН.

Особенно опасны духи зла,

Принявшие обличье духов света.
 Она черна, но с горя, – из-за тех,
 Кто блеклый лик под париком румянит,
 Чтобы склонять поклонников на грех.
 Но скоро черный цвет всем сладок станет.

Она изменит моду наших дней:
 Румяна навсегда в забвенье канут
 И все, красую тщась сравниться с ней,
 Чернить, а не румянить щеки станут.

ДЮМЕН.

За Феба трубочиста мы сочтем.

ЛОНГВИЛЬ.

Нам угольщик покажется прекрасен.

КОРОЛЬ.

Начнет хвалиться негр своим лицом.

ДЮМЕН.

Не будет свеч, раз мрак, как полдень, ясен.

БИРОН.

Под дождь не посылайте ваших дам,
 Не то румяна могут отвалиться.

КОРОЛЬ.

А вашей под дождем, – признаюсь вам, –
 Не худо б прогуляться, чтоб умыться.

БИРОН.

Хваля ее, на Страшный суд приду я!

КОРОЛЬ.

Кто с чертом свыкся, тем не страшен ад.

ДЮМЕН.

Хвалить барышник клячу рад худую!

ЛОНГВИЛЬ (указывает на свой сапог)

Она и мой сапог – сестра и брат.

БИРОН.

Когда б глазами вымостить ты мог

Путь перед нею, – он ее не стоит.

461

ДЮМЕН.

О, стыд! Тогда все то, что выше ног,
Вниз головой идя, она откроет.

КОРОЛЬ.

К чему слова! Любой из нас влюблен.

БИРОН.

И клятву все нарушили, конечно.

КОРОЛЬ.

Оставим споры! Докажи, Бирон,
Что наша страсть законна и безгрешна.

ДЮМЕН.

Грех оправдать попробуй как-нибудь.

ЛОНГВИЛЬ.

У адвокатов перейми ухватки,
Чтоб крючкотворством черта обмануть.

ДЮМЕН.

Примеры приведи.

БИРОН.

Они – в достатке.
Итак, вперед, соратники в любви!
Какой обет мы принесли? Поститься,
Учиться и от женщин отказаться.
Но это значит молодость предать.
Пост не под силу юным животам,
Грозит им воздержание недугом.
А клятву дав учиться день и ночь,
Мы отреклись от истинного знания:
Ведь в жизни есть не только созерцанье.
Нельзя ни вам, мой государь, ни нам
К истокам дивным знания подняться
Без лицемерья женской красоты.
Из женских глаз доктрину вывожу я:
Они – тот кладезь, тот первоисточник,
Где Прометей огонь свой почерпнул.
Увы, корпенье вечное над книгой

Скует наш дух и кровь оледенит,
Равно как от чрезмерных переходов

462

У путника все мускулы слабеют.
Итак, отказ смотреть на лица женщин
Есть в то же время наш отказ от зренья,
От знания, которого мы алчем.
Какой философ лучше женских глаз
Сумеет красоту нам преподать?
Наука – добавленье к человеку:
Где человек, там и его познания,
И, взор вперяя в женские глаза,
Мы всю науку нашу видим в них.
О господа! Обет учиться дав,
Мы отреклись тем самым и от книг.
Ни вы, король, ни мы не почерпнули б
В свинцовом созерцанье те стихи,
Чьи пламенные строки так недавно
Продиктовал нам взор наставниц наших.
В мозгу коснея, прочие науки
Скупую жатвой редко награждают
Служителей своих за тяжкий труд.
Одна любовь, преподанная нам
Глазами женщин, мозг не тяготит,
Как мертвый груз, но с быстротою мысли
Стихийно разливается по телу.
Она, все наши чувства изоцряя,
Им остроту двойную сообщает.
Она дает такую силу зренья
Любовнику, что блеск его зрачков
Способен ослепить глаза орла.
Слух любящего ловит даже шорох,
Невнятный настороженному вору.
Чувствительней и тоньше, чем рога
Улитки, осязанье у влюбленных,
А вкус – разборчивее, чем у Вакха.
Любовь, затмив отвагой Геркулеса,
Плод Гесперид всегда искать готова.
Она мудрее сфинкса; мелодичней
И сладостней, чем лютня Аполлона.
Любовь заговорит – и небеса
Баюкает согласный хор богов.
Поэт не смеет взяться за перо,

Не разведя чернил тоской любовной.
 Зато стихом слух дикарей пленяет
 И пробуждает в деспотах смиренье.
 Из женских глаз доктрину вывожу я:
 Лишь в них сверкает пламя Прометея,

Лишь в них – науки, книги и искусства,
 Которыми питается весь мир;
 Без них нельзя достигнуть совершенства.
 Безумьем было от любви отречься,
 Безумье – соблюдать такой обет.
 Во имя мудрости, любезной людям,
 Любви, которой столь любезны люди,
 Мужчин, на свет производящих женщин,
 И женщин, породивших нас, мужчин, –
 Нарушим клятву, сохранив себя,
 Не то, ее храня, себя разрушим.
 Измена наша вере не противна:
 Ведь милосердье есть основа веры,
 А там, где нет любви, нет милосердия.

КОРОЛЬ.

Святой Амур, ура! Вперед, солдаты!

БИРОН.

Знамена развернем, и на врагов!
 Повалим их. Пусть будет, господа,
 В сраженье этом верх всегда за нами.

ЛОНГВИЛЬ.

За дело. Хватит болтовни. Итак,
 Француженок мы будем добиваться?

КОРОЛЬ.

И покорим их. А теперь должны мы
 Придумать развлечение для них.

БИРОН.

Сперва пойдем, проводим их к палаткам.
 Пусть каждый, руку ей подав, ведет
 Свою красавицу. А пополудни
 Потешим наших дам такой забавой,
 Какую время изобрести позволит.
 Ведь танцы, игры, песни, маскарад –

Всегда любви передовой отряд.

КОРОЛЬ.

Не будем медлить. Поскорее в пути.
Упущенной минуты не вернуть!

464

БИРОН.

Allons²⁴! Кто сеет плевел, ржи не жнет.
Весы судьбы точны и справедливы.
Изменника брак с потаскушкой ждет:
Червонца не купить за грош фальшивый.

Уходят.

465

АКТ V.

СЦЕНА 1.

Там же.

Входят ОЛОФЕРН, отец НАТАНИЭЛЬ и ТУПИЦА.

ОЛОФЕРН.

Satis quod sufficit²⁵.

НАТАНИЭЛЬ

Благодарю господу, создавшего вас, сударь. Беседа ваша за трапезой была остра и назидательна, забавна без грубости, остроумна без напыщенности, смела без наглости, учена без педантизма, оригинальна без ереси. Quondam²⁶ на днях говорил я с одним из сотоварищей короля, титулуемым, именуемым и называемым доном Адриано де Армадо.

ОЛОФЕРН.

Novi hominem tanquam te²⁷! Характер у него самоуверенный, речь заносчивая, язык острый, взгляд высокомерный, поступь спесивая, и весь облик – надутый, смехотворный и чванный. Он чересчур чопорен, чересчур франтоват, чересчур жеманен, чересчур неестествен и, по правде, если смею так выразиться, чересчур обыноземен.

466

НАТАНИЭЛЬ (*записывает выражение в записную книжку*)

Какой изысканный и оригинальный эпитет!

ОЛОФЕРН.

Уток его рассуждений выткан искусней, чем основа его доводов. Терпеть не могу таких фанатичных фантазеров, таких необщительных и натянутых собеседников, таких палачей правописания, которые вместо «кого» говорят «каво», вместо «конечно» произносят «канешна», а вместо «милость» мямят «милась». Это мне так отовратительно (они-то бы сказали «отвратительно»!), что доводит меня почти до умалишенности, - *ne intelligis, domine*²⁸? – то есть до безумия, до бешенства.

НАТАНИЭЛЬ.

*Laus Deo, bone intelligo*²⁹.

ОЛОФЕРН.

Bone? Bone вместо *bene*! Присциан получил пощечину, но ничего, стерпится!

Входят АРМАДО, МОТЫЛЕК и БАШКА.

НАТАНИЭЛЬ.

Videsne, quis venit?

ОЛОФЕРН.

*Video et gaudeo*³⁰.

АРМАДО (Мотыльку, шепелявя)

Эй, ссенóк!

ОЛОФЕРН.

*Quare*³¹ ссенок, а не щенок?

АРМАДО.

Счастливи видеть вас, мирные люди.

ОЛОФЕРН.

Привет вам, воинственный муж.

467

МОТЫЛЕК.

Они оба побывали на каком-то словесном пиру и наворовали там обедков.

БАШКА.

Да они уж давно на словесной помойке отбросами кормятся. Удивляюсь я, как это твой хозяин еще не сожрал тебя, приняв за чье-нибудь чужое слово. Ведь ты на целую голову короче такого словечка, как *honorificabilitudinitatibus*³². Тебя-то уж легче проглотить, чем вино с зажженной паклей на закуску.

МОТЫЛЕК.

Тихо. Перестрелка начинается.

АРМАДО (*Олоферну*)

Скажите, *monsieur*, вы ведь из ученых?

МОТЫЛЕК.

Правильно. Он обучает мальчишек букварю. – (*Олоферну.*) А что получится, если «э» и «б» прочесть навыворот, подрисовав к ним рога?

ОЛОФЕРН.

*Pueritia*³³! Если подрисовать рога, выйдет «бэ».

МОТЫЛЕК.

Бэ-э! И впрямь баран с рогами! – (*К Армадо.*) Видите, сударь, какой он ученый.

ОЛОФЕРН.

*Quis, quis*³⁴? Что ты подразумеваешь под этим созвучием?

МОТЫЛЕК.

Назовите мне последний гласный звук, а я назову вам шестой, – вот и получите ответ.

ОЛОФЕРН.

Сейчас соображу. Я.

МОТЫЛЕК.

А теперь и я скажу: а, е, и, о, у, ы. Вы и есть баран.

468

АРМАДО.

Клянусь соленой влагой Средиземноморья, отличный удар, меткий выпад остроумия! Раз, два, три - и попал в цель! Мой разум наслаждается таким неподдельным остроумием.

МОТЫЛЕК.

Которое ребенок, как рог изобилия, подносит старцу. Вот и получается –старый рогоносец.

ОЛОФЕРН.

Что это за фигура? Что за фигура?

МОТЫЛЕК.

Рогатая.

ОЛОФЕРН.

Ты рассуждаешь по-детски. Ступай-ка лучше гонять кубарь.

МОТЫЛЕК.

Тогда одолжите мне ваши рога, а я сделаю из них кубарь и буду гонять ваш позор *circum, circa*³⁵. Из рогов рогоносца выйдет отличный кубарь!

БАШКА.

Да будь у меня за душой хоть грош, я б и его отдал тебе на пряники! Вот репарация, которую я получил с твоего хозяина. Возьми-ка ее себе, грошовый кошелек ума, голубиное яичко рассудительности. Ох! Если б небу было угодно сделать тебя моим сыном, хоть незаконным, – какого бы веселого папашу ты из меня сделал! Валяй, малыш! Ведь ума у тебя, как говорится, полная лядунка.

ОЛОФЕРН

Тут запахло подпорченной латынью: он говорит – лядунка вместо – *ad unguem*³⁶.

АРМАДО.

Ученый муж, *praetambula*³⁷: удалимся от этих невежд. Скажите, не вы ли воспитываете юношество в общепольном заведении, стоящем на вершине вон той горы?

ОЛОФЕРН.

Вернее, *mons* – холма.

АРМАДО.

Это уж как вам заблагорассудится: пусть холма.

ОЛОФЕРН.

Воспитываю, sans question³⁸.

АРМАДО.

Сударь, король соизволил и пожелал почтить своим вниманием принцессу в закатной части сего дня, которую невежественная толпа именуется вечером.

ОЛОФЕРН.

Закатная часть дня, ваша милость, - выражение очень подходящее, соответствующее и равноценное для обозначения вечера. Это слово удачно подобрано и употреблено. Это мило и метко, смею вас уверить, сударь, смею уверить.

АРМАДО.

Сударь, король - благородный человек и мой близкий, смею вас уверить, мой закадычный друг... Не стану распространяться о нашей с ним близости. - «Прошу тебя, избавь меня от этих церемоний, прошу тебя, накройся!» И заметьте, все это во время неотложнейших и серьезнейших разговоров, которые имеют, поверьте мне, огромное значение... Но оставим это. Клятвенно заверяю вас еще и в том, что нередко его величеству угодно бывает опереться на мое жалкое плечо, играя своими королевскими перстами атрибутом моей доблести - mustachio³⁹. Но оставим это, любезнейший. Клянусь, я не басни вам рассказываю. Его величество оказывает немало особых милостей своему Армадо, воителю и скитальцу, повидавшему мир. Но оставим и это. Дело в том, - однако, любезнейший, я умоляю вас сохранить это в тайне, - что король желает, чтобы я развлек эту очаровательницу-принцессу каким-нибудь усладительным увеселением, зрелищем, спектаклем, пантомимой или фейерверком. А посему, сведав, что священник и вы, дражайший мой, не чужды вышесказанным импровизациям и внезапным изливаниям веселости, пожелал я обратиться к вам, дабы просить вас содействовать мне в этом деле.

ОЛОФЕРН.

Сударь, советую вам вывести перед принцессой «Девять героев». Отец Натаниэль, поелику речь идет о времяпрепровождении принцессы в закатной части дня, обустройстве некоего увеселения для нее, в котором по воле короля и этого доблестного, достославного и образованного

дворянина и мы должны принять участие, – лучше всего, мнится мне, будет представить «Девять героев».

470

НАТАНИЭЛЬ.

Но где же найдете вы людей, пригодных для этого?

ОЛОФЕРН.

Иисусом Навином будете вы сами; Иудой Маккавеем – я или этот доблестный кавалер; мужлан этот ввиду громадности своей корпуленции, или телосложения, сойдет за Помпея Великого, а паж – за Геркулеса.

АРМАДО.

Прошу прощенья, сударь, но вы заблуждаетесь. Ведь паж ростом всего с большой палец этого героя; он меньше кончика его палицы.

ОЛОФЕРН.

Соблаговолите выслушать меня. Он будет представлять Геркулеса во младенчестве, и вся роль его сведется к тому, что он задушит змею. Я же на этот случай сочиню специальный аполог.

МОТЫЛЕК.

Славно придумано! Если кто-нибудь из публики начнет мне свистеть, вы всегда можете закричать: «Браво, Геркулес, ловко же ты душишь змею!», то есть обратить порицание в похвалу, а ведь это не каждый умеет.

АРМАДО.

А как же быть с остальными героями?

ОЛОФЕРН.

Я берусь сыграть сразу трех.

МОТЫЛЕК.

Ах, трижды геройский кавалер!

АРМАДО.

Угодно вам выслушать меня?

ОЛОФЕРН.

Прошу вас.

АРМАДО.

Если дело у вас не пойдет на лад, разыграйте пантомиму.
Соизвольте следовать за мной.

ОЛОФЕРН.

Via⁴⁰, почтеннейший Тупица! А ты за все время так и не проронил ни слова.

ТУПИЦА.

Да и не понял ни одного, сударь.

471

ОЛОФЕРН.

Allons! Мы и тебя приспособим к делу.

ТУПИЦА.

Я танцевать согласен – умею я плясать;
Могу на барабанах героям поиграть.

ОЛОФЕРН.

Вы скромны, друг Тупица. Ну марш, нельзя нам ждать.

Уходят.

СЦЕНА 2.

Там же.

Входят ПРИНЦЕССА, КАТЕРИНА, РОЗАЛИНА и МАРИЯ.

ПРИНЦЕССА.

Богачками мы станем до отъезда,
Коль будем столько получать подарков.
Я гнусь уже под тяжестью алмазов.
Взгляните, что король влюбленный шлет.

РОЗАЛИНА.

Он ничего не приложил к подарку?

ПРИНЦЕССА.

Как ничего? Стихов любовных столько,
Что ими сплошь исписан без полей
И с двух сторон огромный лист бумаги,
А воск печати за нехваткой места
Приложен прямо к слову «Купидон».

РОЗАЛИНА.

Лепить из воска любит он, как в детстве,
Хотя уже пять тысяч лет мальчишке.

КАТЕРИНА.

Ах, этот злой, коварный озорник!

РОЗАЛИНА.

Ты – враг ему: сестры тебя лишил он.

КАТЕРИНА.

Ее он вверг в тоску, печаль, унынье
И тем сгубил. А если б у нее
Был, как у вас, нрав легкий и веселый,

472

Прабабушкой могла бы стать она,
Как, без сомненья, станете вы, ибо
Век долгод у того, кто сердцем легок.

РОЗАЛИНА.

Ты в слово «легкий» темный смысл влагаешь.

КАТЕРИНА.

Да, легкость нрава красоту темнит.

РОЗАЛИНА.

Темны намеки. Свет на них пролей.

КАТЕРИНА.

Нет, ибо на свету вам станет жарко.
Пусть лучше остаются в темноте.

РОЗАЛИНА.

Да, все творить ты в темноте привыкла!

КАТЕРИНА.

Еще б! Ведь я не так легка, как вы.

РОЗАЛИНА.

Конечно, легче я, раз вешу меньше.

КАТЕРИНА.

Меня вам взвесить не пришлось ни разу.

РОЗАЛИНА.

Равно как и тебе свои слова.

ПРИНЦЕССА.

Ловки вы обе в мяч играть. Ничья!
Но, Розалина, ведь и вам подарок
Был прислан. От кого и что?

РОЗАЛИНА.

Скажу.
Будь я, как вы, красавицей, подарки
Богаче были бы. Но посмотрите:
Стихи Бирон прислал мне. Что ж, спасибо.
Размер их верен, но, приняв на веру
Их смысл, себя сочла б я божеством:

473

Я сравнена в них с тысячью красавиц.
В письме Бирон портрет мой набросал.

ПРИНЦЕССА.

И что же? Сходство есть?

РОЗАЛИНА.

Большое – в буквах, малое – в оценке.

ПРИНЦЕССА.

Так, значит, ты красива, как чернила.
Удачно же подобрано сравненье!

КАТЕРИНА.

Бела, как прописное «Б» в тетрадке!

РОЗАЛИНА.

Полегче с краской. Иль забыли вдруг вы,
Что вы – как календарь, где красны буквы?
Ведь сотней «О» лицо у вас покрыто.

КАТЕРИНА.

Пусть оспой будет и твое изрыто!

ПРИНЦЕССА (*Катерине*)

Что шлет Дюмен возлюбленной своей?

КАТЕРИНА.

Перчатку.

ПРИНЦЕССА.

Как? Одну? Где ж пара к ней?

КАТЕРИНА.

Их две, а к ним добавок – и немалый:
Стихов любовных с тысячу, пожалуй.
Они – набор нелепый чувств притворных,
Смесь фраз глубокомысленных и вздорных.

МАРИЯ.

А мне был жемчуг прислан от Лонгвиля
И с жемчугом – письмо длиной в полмили.

474

ПРИНЦЕССА.

А ты в душе желала б получить
Письмо короче и длиннее нить?

МАРИЯ.

Такую, чтоб в руках не уместить!

ПРИНЦЕССА.

Умны же мы, коль можем так смеяться!

РОЗАЛИНА.

А как еще с глупцами обращаться?
Бирона я заставлю настрадаться.
О! Залучи его я дней на семь,
Он стал бы у меня ручным совсем.
Как умолял бы он, просил, скучал,
Свой ум в стихах ненужных расточал,
Считал законом мой каприз любой
И, гордость потеряв, был горд собой,
А я б его звездой несчастной стала
И, как судьба, глупцом повелевала!

ПРИНЦЕССА.

Никем нельзя так прочно завладеть,
Как мудрецом, решившим поглупеть.
Ведь глупость, порожденная умом,
Опору для себя находит в нем,
И разум, отшлифованный ученьем,
Глупцам ученым служит украшеньем.

РОЗАЛИНА.

Кровь в юношах и та кипит слабей,
Чем вожделение в сердцах мужей.

МАРИЯ.

Тот, кто не видит глупости в глупце,
Ее всегда заметит в мудреце,
Который ищет в разуме и знанье
Своим поступкам глупым оправданье.

Входит БОЙЕ.

ПРИНЦЕССА.

Вот и Бойе. Он к нам спешит, ликуя.

475

БОЙЕ.

Принцесса где? Ох, со смеху умру я.

ПРИНЦЕССА.

Что нового?

БОЙЕ.

Готовьтесь, дамы, к бою!
На ваш покой враги идут войною,
Личиною ученой прикрываясь
И вас врасплох застичь намереваясь.
Итак, ваш ум и волю напрягите
Иль с поля, словно трусы, убегите.

ПРИНЦЕССА.

Ударь на Купидона, Сен-Дени!
Ну, а враги, лазутчик, кто они?

БОЙЕ.

Под явор я забрался и прилег
В тени ветвей, чтобы вздремнуть часок,
Но не успел и глаз сомкнуть, как вдруг
Невдалеке шагов слышал звук.
То сам король с друзьями шел туда.
Отполз в кустарник тихо я тогда
И услышал, – как слышите вы тут, –
Что ряжеными к вам они придут.
Герольдом ими избран паж-юнец.
Роль вытвердил на память сорванец.
Они ему давали наставленья:

«Так говори, а так держись в движенье»,
Хоть опасались, что придет повеса
В растерянность при виде вас, принцесса.
Король предупреждал: «Хоть встретишь в ней
Ты ангела, душою не робей!»
«Ну, ангел добр! – ответил мальчик смело. –
Будь дьяволом она, другое дело».
Тут все, смеясь, давай трепать юнца,
Хвалой удвоив храбрость храбреца.
Один божился, потирая плечи,
Что в жизни не слышал удачной речи.
Прищелкивая пальцами, другой
Вопил: «Via! Мы выиграем бой!»
«Идет на лад!» – кричал, танцуя, третий.

476

Четвертый шлепнулся на пируэте.
Попадали за ним и остальные,
От смеха надрываясь, как шальные,
И хохотали б до изнеможенья,
Не брызги градом слезы от волненья.

ПРИНЦЕССА.

Как! Удостоят нас они визита?

БОЙЕ.

Ну да. Наряжены король и свита
Как русские, иначе московиты.
Их цель – шутить, ухаживать, плясать,
По собственным подаркам опознать
Своих избранниц, несмотря на маски,
И смелостью завоевать их ласки.

ПРИНЦЕССА.

Кто верх возьмет – еще мы поглядим!
Сударыни, мы в масках выйдем к ним,
Но вопреки мольбам и просьбам их
Пред ними не откроем лиц своих.
Алмаз мой, Розалина, нацепи,
А мне свои брильянты уступи,
И будет в заблуждение введен
Тобой – король, а мною – твой Бирон.

(Марии и Катерине.)

Вы с ней подарки тоже обменяйте

И тем своих влюбленных обманите.

РОЗАЛИНА.

Идет! Подарки выставим на вид.

КАТЕРИНА.

В чем ваша цель, принцесса, состоит?

ПРИНЦЕССА.

В том, чтоб идти наперекор их целям:
Угодно им над нами посмеяться,
Мне – смехом за насмешки рассчитаться.
Пусть выдадут они свои секреты
Чужим возлюбленным, а мы за это
При первой встрече на смех их поднимем,
Представ уже без масок перед ними.

477

РОЗАЛИНА.

Принять ли нам на танцы приглашенье?

ПРИНЦЕССА.

Нет. Лучше смерть, чем сделать хоть движенье!
Любезникам один ответ давайте:
Чуть рот раскроют, к ним спиной вставайте.

БОЙЕ.

Но ведь из-за презренья полной встречи
Они лишиться могут дара речи.

ПРИНЦЕССА.

Да, таково намеренье мое.
Кто с роли сбился, не войдет в нее.
Вот это шутка: шутку подхватить
И его шутников перешутить!
Расстроив так их замысел смешной,
Мы их прогоним, осмеяв, домой.

Трубы за сценой.

БОЙЕ.

Труба! Они идут. Наденьте маски.

Дамы надевают маски.

*Входят с музыкой мавры, за ними Мотылек, Король, Бирон, Лонгвиль и
Дюмен в масках и русских костюмах.*

МОТЫЛЕК.

«Привет пышнейшей красоте земли!»

БИРОН.

Пышней их красоты тафта их масок.

МОТЫЛЕК.

«Священное собрание дам прелестных...»

Дамы поворачиваются спиной.

«Что к взорам смертных обратили... спины».

БИРОН (*Мотыльку*)

Мерзавец, очи, очи!

478

МОТЫЛЕК.

«Что к взорам смертных обратили очи.
Вон...»

БОЙЕ.

Верно! Вон его скорей!

МОТЫЛЕК.

«Вонмите, духи неба, просьбе нашей
Закреть сиянье...»

БИРОН (*Мотыльку*)

Плут, «открыть сиянье».

МОТЫЛЕК.

«Открыть сиянье лучезарных глаз...
Лучезарных глаз...»

БОЙЕ.

Не жди ответа на эпитет льстивый.
Не проще ли сказать «девичьих глаз»?

МОТЫЛЕК.

Не слушают они, и сбит я этим.

БИРОН.

Вот так оратор! Убирайся, плут!

МОТЫЛЕК *уходит*.

РОЗАЛИНА.

Бойе, о цели своего прихода
Они расскажут.

БОЙЕ.

Что вам здесь угодно?

БИРОН.

Быть принятыми мирно и любезно.

РОЗАЛИНА.

Чего они хотят?

БОЙЕ.

Быть принятыми мирно и любезно.

479

РОЗАЛИНА.

Их приняли. Теперь пускай уходят.

БОЙЕ.

Ответ таков: вы приняты; уйдите.

КОРОЛЬ.

Скажите, что прошли мы сотни миль,
Чтоб в танце с нею по траве пройтись.

БОЙЕ.

Он говорит, что сотни миль прошел,
Чтоб в танце с вами по траве пройтись.

РОЗАЛИНА.

У них спросите: сколько дюймов в миле?
Нетрудно будет, сделав столько миль,
Расчет подобный сделать им для каждой.

БОЙЕ.

Раз вы сумели сделать столько миль,
Принцесса просит сделать ей расчет,
По сколько дюймов будет в каждой миле.

БИРОН.

Скажи: лишь вздохи мы в пути считали.

Б О Й Е .

Она вам внемлет.

Р О З А Л И Н А .

Сколько тяжких вздохов
Успели сделать вы в пути тяжелом,
И сколько их приходится на милю?

Б И Р О Н .

Трудясь для вас, усилий не считаешь!
Наш труд так беспредельно всеобъемлющ,
Что может продолжаться без конца.
Откройте нам свой лик, чтоб перед ним
Простерлись мы, как дикари пред солнцем.

Р О З А Л И Н А .

Он, как луна, за тучами не виден.

480

К О Р О Л Ь .

Блаженны тучи. Их удел завиден!
Луна и звезды, бросьте из-за туч
На влагу наших глаз свой яркий луч.

Р О З А Л И Н А .

Просите-ка луну о чем-нибудь,
Что поважней, чем на воду взглянуть.

К О Р О Л Ь .

Раз вы просить даете разрешение,
Прошу принять на танец приглашение.

Р О З А Л И Н А .

Эй, музыканты! Я плясать склонна.

Играет музыка.

Нет, не пойду. Изменчива луна.

К О Р О Л Ь .

Но что же вынуждает вас к отказу?

Р О З А Л И Н А .

То, что луна уже сменила фазу.

КОРОЛЬ.

Хоть вы – луна, я – человек на ней.
Последуем за музыкой скорей.

РОЗАЛИНА.

Я следовать за ней готова слухом.

КОРОЛЬ.

Не проще ль следовать ногой, чем ухом?

РОЗАЛИНА.

Я не хочу обидеть чужестранцев.
Вот вам моя рука, но не для танцев.

КОРОЛЬ.

На что ж она тогда нам?

РОЗАЛИНА.

На прощанье.
Поклон примите наш – и до свиданья.

481

КОРОЛЬ.

Что стоит вам сплясать со мной хоть раз?

РОЗАЛИНА.

Цена чрезмерно высока для вас.

КОРОЛЬ.

За сколько ж нам купить любезность можно?

РОЗАЛИНА.

Цена – уход ваш.

КОРОЛЬ.

Но она безбожна!

РОЗАЛИНА.

Так бросим торг. Не тратьте зря слова.
Вам – полпоклона, вашей маске – два.

КОРОЛЬ.

Потолковать мы можем не танцуя.

РОЗАЛИНА.

Но не при всех.

КОРОЛЬ.

Об этом и прошу я...

Отходят в сторону разговаривая.

БИРОН.

Дай мне услышать сладостное слово!

ПРИНЦЕССА.

Вот три: мед, сахар, молоко коровы.

БИРОН.

Коль ты сластена, их число удвой
Мальвазию, брагой и сытой.
Шестерка на костях! За мною кон.
Шесть сладких слов!

ПРИНЦЕССА.

А вот седьмое – «Вон!»
Я в кости с плутом не хочу играть.

482

БИРОН.

На пару слов!

ПРИНЦЕССА.

Чур, сладких избегать.

БИРОН.

Вы желчь во мне разбередили злобно.

ПРИНЦЕССА.

Да, желчь – горька.

БИРОН.

Ну, значит, вам подобна.

Отходят в сторону разговаривая.

ДЮМЕН.

Словцом не обменяться ль с вами нам?

МАРИЯ.

Каким?

ДЮМЕН.

Красавица...

МАРИЯ.

Я вам отдам
Красавца за красавицу.

ДЮМЕН.

Вдвоем
Сперва поговорим. Уйду – потом.

Отходят в сторону разговаривая.

КАТЕРИНА.

Иль языка у вас под маской нет?

ЛОНГВИЛЬ.

Мне цель вопроса вашего известна.

КАТЕРИНА.

Ах, вот как? Что ж, спешите дать ответ.

ЛОНГВИЛЬ.

У вас два языка. Во рту им тесно,
И вы мне уступаете второй.

483

КАТЕРИНА.

Пускай теленок одолжит вам свой.

ЛОНГВИЛЬ.

Зачем он мне?

КАТЕРИНА.

Затем, что ваш – пропал.

ЛОНГВИЛЬ.

Я не теленок.

КАТЕРИНА.

Тот бы хоть мычал.
Едва ли выйдет бык из вас с годами!

ЛОНГВИЛЬ.

О свой язык не уколитесь сами.
Склонны вы наставлять рога, монашка?

КАТЕРИНА.

До них не дорастете вы, бедняжка.

ЛОНГВИЛЬ.

Пока еще я жив, скажу вам, как...

КАТЕРИНА.

Мясник услышит, – не мычите так.
Отходят в сторону разговаривая.

БОЙЕ.

Насмешницы! Так остр у них язык,
Что волосок, невидимый для взора,
Как бритва, перерезать может вмиг.
Мысль тщетно ловит смысл их разговора,
Но как его осмыслишь, если мчится
Он побыстрее, чем ветер, пуля, птица.

РОЗАЛИНА.

Ни слова больше. Гости пусть уйдут.

БИРОН.

Клянусь, изрядно нам досталось тут.

484

КОРОЛЬ.

Прощайте, привередницы шальные!

ПРИНЦЕССА.

До встречи, московиты ледяные!

Король, вельможи и мавры уходят.

Но как их счесть за умников могли?

БОЙЕ.

Вы их умы задули, словно свечи.

РОЗАЛИНА.

Мозги в них слоем жира заросли.

ПРИНЦЕССА.

Как плоски шутки и убоги речи!
Клянусь, теперь им всем один конец:
Повеситься иль век ходить под маской.
Сконфузился Бирон, хоть он наглец.

РОЗАЛИНА.

Мы их смутили всех крутой остражкой.
Король уныло слова ласки ждал.

ПРИНЦЕССА.

Бирон до иступления божился.

МАРИЯ.

Дюмен себя и меч мне отдавал
И языка, услышав: «Нет!» – лишился.

КАТЕРИНА.

Лонгвиль твердил: «Как тошно мне сейчас!»,
Назвав меня...

ПРИНЦЕССА.

Наверно, тошнотой?

КАТЕРИНА.

Вот именно.

ПРИНЦЕССА.

Боюсь, стошнит и нас.

485

РОЗАЛИНА.

Умы острей под шапкой шерстяною.
Вы знаете, король в любви признался.

ПРИНЦЕССА.

Бирон мне клятву верности принес.

КАТЕРИНА.

Лонгвиль служить мне вечно обязался.

МАРИЯ.

Как ствол к коре, Дюмен ко мне прирос.

БОЙЕ.

Красавицы мои, даю вам слово,
Что к нам в своем обычном платье снова
Они сейчас вернутся вчетвером:
Им не переварить сухой прием.

ПРИНЦЕССА.

Возможно ли?

Б О Й Е .

Да. Не придут – прискачут,
Хоть от побоев ваших чуть не плачут.
Итак, скорей подарками меняйтесь
И, словно розы утром, распускайтесь.

П Р И Н Ц Е С С А .

Что слово «распускайтесь» значить может?

Б О Й Е .

С цветком в бутоне дамы в масках схожи.
Явив без масок розовые лица,
Они должны, как розы, распусться.

П Р И Н Ц Е С С А .

Молчи, напыщенность! – Как нам встречать их,
Когда они придут в обычных платьях?

Р О З А Л И Н А .

Советую над ними вновь смеяться,
Как если б в масках нам пришлось остаться.
Пожалуемся им сперва сердито
На дурней, ряженных как московиты,

486

Расспросим, кто они, чего хотят,
К чему весь этот глупый маскарад,
И заключим, что был нелеп пролог,
А сам спектакль – напыщен и убог.

Б О Й Е .

Скрывайтесь, дамы! Враг подходит к вам.

П Р И Н Ц Е С С А .

Бежим в шатры, как лани по лесам.

П Р И Н Ц Е С С А , Р О З А Л И Н А , К А Т Е Р И Н А и М А Р И Я уходят.

Входят К О Р О Л Ъ , Б И Р О Н , Л О Н Г В И Л Ъ и Д Ю М Е Н в обычном платье.

К О Р О Л Ъ .

Храни вас, сударь, бог! А где принцесса?

Б О Й Е .

В шатре. Быть может, вам через меня

Ей передать угодно что-нибудь?

КОРОЛЬ.

Скажите, что принять меня прошу.

БОЙЕ.

Она к вам поспешит, как я спешу.

(Уходит.)

БИРОН.

Как голубь корм, остроты он клюет
И где попало их пускает в ход.
Ум продавая в розницу, с товаром
Он бродит по пирам, торгам, базарам,
А мы, хоть оптом продаем остроты,
Сбыть с рук товар пока не можем что-то.
Любезник так прельщает женщин всех,
Что, будь Адамом, ввел бы Еву в грех.
Как шепелявит, как жаркое режет,
Как дам воздушным поцелуем нежит!
А как поет! Как знает этикет!
Monsieur, учтивостью пленивший свет,
Мартышка мод, он даже за костями
Бранится лишь пристойными словами.

487

Он «душечкой» слывет у милых дам.
Ступени лестниц льнут к его ногам.
Цветок, дарить улыбки всем готовый,
С зубами белыми, как ус китовый!
Кто хочет должное Бойе воздать,
Его «медоточивым» должен звать.

КОРОЛЬ.

Ему б язык намазать дегтем надо
За то, что с роли сбил пажа Армадо.

БИРОН.

Да вот и он. – Учтивость, чем ты стала,
Отдавшись в руки этого нахала!

Входят ПРИНЦЕССА *под руку с* БОЙЕ, РОЗАЛИНА, МАРИЯ *и* КАТЕРИНА.

КОРОЛЬ.

Позвольте вам здоровья пожелать.

ПРИНЦЕССА.

Но и без пожеланий я здорова.

КОРОЛЬ.

Меня прошу я не перебивать.

ПРИНЦЕССА.

А я прошу не говорить пустого.

КОРОЛЬ.

Пришли мы во дворец вас отвести.

Не откажите двинуться в дорогу.

ПРИНЦЕССА.

Мне – в поле жить, а вам – обет блюсти:

Клятвопреступник – враг и мне и богу.

КОРОЛЬ.

Не ставьте мне свою вину в упрек:

Обет мой сила ваших глаз сломила.

ПРИНЦЕССА.

При чем здесь сила? Слабость и порок –

Вот что обет забыть вас побудило,

488

Порукой мне моя девичья честь –

Она чиста, как лилия, покуда, –

Что я готова муки предпочесть,

Но гостьей во дворце у вас не буду!

Мне совесть никогда не даст прощенья,

Коль вас толкну на клятвопреступленье.

КОРОЛЬ.

Томит здесь скука вас и ваших дам.

В глуши вас видеть стыдно мне и больно.

ПРИНЦЕССА.

О нет, мой государь, ручаюсь вам.

Здесь развлечений и забав довольно.

Недавно были русские у нас.

КОРОЛЬ.

Как! Русские?

ПРИНЦЕССА.

Да, государь. Учтиво
Они нас развлекали целый час.

РОЗАЛИНА.

Не верьте, государь. Хвала – фальшива.
Принцесса то, что следует хулить,
Готова из любезности хвалить.
Да, вчетвером явились московиты
И с нами час протолковали битый,
Но не сумели нам сказать они
Двух умных слов за время болтовни.
Боюсь их звать глупцами, но, коль глотку
Дерет им жажда, пьют глупцы в охотку.

БИРОН.

Таких острот наслушавшись, запьешь.
Красавица, ваш разум с солнцем схож,
А тот, кто в око неба взор вперяет,
От света свет своих очей теряет.
Вот так и ум ваш превращать готов
Богатых в бедных, умников в глупцов.

РОЗАЛИНА.

Вы, значит, умник и богач, поскольку...

489

БИРОН.

Вам кажется, что глуп и нищ я только.

РОЗАЛИНА.

Хоть воровать чужие мысли гадко,
Прощаю вас, так как верна догадка.

БИРОН.

Взять можете взамен меня всего вы.

РОЗАЛИНА.

Всю глупость?

БИРОН.

Хоть ее, раз нет другого.

РОЗАЛИНА.

Признайтесь мне, в какой вы маске были?

БИРОН.

Я? В маске? Здесь? Что вы вообразили?

РОЗАЛИНА.

Да, в маске, под личиною нарядной
Пытаясь скрыть свой облик неприглядный.

КОРОЛЬ.

Попались мы. Нас засмеют они.

ДЮМЕН.

Сознаемся, все в шутку обратив.

ПРИНЦЕССА.

Что с вами, государь? Вы нездоровы?

РОЗАЛИНА.

Он бледен. Эй, воды!.. Болезнь морская:
Ведь к нам он из Московии приплыл.

БИРОН.

Мстят звезды тем, кто клятву преступил.
Чей медный лоб снесет позор подобный?
Красавица, казни: я согрешил.

490

Рази презреньем, бей насмешкой злобной,
Мечом острот мой ум в куски рубя,
Сарказмом раздави меня, невежду.
Не стану я на танцы звать тебя,
У московитов занимать одежду,
В речах кудрявых чувство изливать,
Мальчишке в важном деле доверяться,
В поэта, как слепой арфист, играть
И маской от любимой закрываться.
Прочь, бархат фраз, ученых и пустых,
Парча гипербол, пышные сравненья.
Они – как мухи. От укусов их
Распухла речь моя до омерзенья.
От них отрекшись, я даю обет
Перчатке белой с ручки белоснежной
Лишь с помощью сермяжных «да» и «нет»
Отныне объясняться в страсти нежной.
Итак, начну. – Я обожаю вас
Без фальши, без притворства, без прикрас.

РОЗАЛИНА.

Оставьте ваши «без».

БИРОН.

Хоть надо мной
Опять возобладал недуг былой,
Я вылечусь.

(Показывает на других мужчин.)

А им троим должны
Вы надписать на лбу: «Заражены».
Чума занесена в сердца несчастных
Опасным блеском ваших глаз прекрасных.
Но ею не одни они задеты:
Я вижу и на вас ее приметы.

ПРИНЦЕССА *(показывая на подарок, украшающий ее платье)*

Ну что ж, назад вы можете их взять.

БИРОН.

Не стыдно ль вам банкротов добивать?

491

РОЗАЛИНА.

Солгали вы, а ложь – не оправданье:
Кто нищ, банкротом стать не в состоянье.

БИРОН.

Вам что за дело? Дел не вел я с вами.

РОЗАЛИНА.

Быть и не может дела между нами.

БИРОН.

Я сдался, господа. Сражайтесь сами.

КОРОЛЬ.

Принцесса, как нам заслужить прощенье?

ПРИНЦЕССА.

Признание – путь кратчайший к искупленью.
Скажите: в маске к нам вы приходили?

КОРОЛЬ.

Да.

ПРИНЦЕССА.

Помните ль вы то, что говорили?

КОРОЛЬ.

Да, наизусть.

ПРИНЦЕССА.

Тогда узнать нельзя ли,
Что вашей даме вы в ушко шептали?

КОРОЛЬ.

Что чту ее превыше всех на свете.

ПРИНЦЕССА.

Боюсь, что лживы заверенья эти.

КОРОЛЬ.

Клянусь, что нет.

ПРИНЦЕССА.

Как верить в ваши клятвы,
Раз две из них нарушили подряд вы!

492

КОРОЛЬ.

Коль я солгал, презрением казните.

ПРИНЦЕССА.

Ах, вот как! Розалина, подойдите.
Что на ухо шептал вам московит?

РОЗАЛИНА.

Что выше всех меня на свете чтит,
Что я ему дороже, чем зеницы
Очей, что жаждет он на мне жениться
Иль должен будет с жизнью распроститься.

ПРИНЦЕССА.

Молю творца вам счастье с ним послать!
Король не может слова не сдержать.

КОРОЛЬ.

Но от меня, клянусь вам, дама эта
Не слышала подобного обета.

РОЗАЛИНА.

Нет, слышала, но возвратить и слово
И дар, его скрепивший, я готова.

КОРОЛЬ.

И дар и слово я принцессе дал.
Ее я по алмазу опознал.

ПРИНЦЕССА.

О, нет. Алмаз мой был на Розалине,
А я Бирону суждена отныне.

(Бирону.)

Меня иль жемчуг, – что вы взять склонны?

БИРОН.

Нет, мне ни вы, ни жемчуг не нужны.
Мне все понятно: разгадав наш план,
Они решили нас ввести в обман
И разыграть, как ряженных в сочельник.
Какой-то сплетник, блюдолиз, бездельник,

493

Угодник, льстец, лакей, болтун пустой,
На сладкие улыбки не скупой,
Умеющий до колик дам смешить,
Им ухитрился наш секрет раскрыть.
Тогда подарки дамы обменяли,
И мы своих любимых не узнали,
Свершив двойное клятвопреступление:
Раз – с умыслом, раз – по неразуменью.
Беда одна не ходит.

(К Бойе.)

Уж не вы ли
Наш замысел коварно разгласили?
Ловки вы мерку с ножек дамы снять,
Захохотать – чуть подмигнет шутливо,
Меж нею и огнем камина встать
И кушанья ей подавать учтиво.
Паж вами сбит, но вам-то все сойдет:
Не саван – юбка вас по смерти ждет.
Коситесь вы? Страшнее ваши взоры,
Чем сабля оловянная!

БОЙЕ.

Как скоро
Он обскакал арену, алча боя.

БИРОН.

Что ж, подходи! Померимся с тобою.

Входит БАШКА.

Вот тот, чей ум решит все наши споры.

БАШКА.

Я послан, сударь, вас спросить,
Не время ль трем героям выходить?

БИРОН.

Как трем? А шесть сбежали?

БАШКА.

Да нет, идет все гладко:
Троих играет каждый.

БИРОН.

А трижды три – девятка.

494

БАШКА.

Нет, сударь, уж простите, а что-то здесь не так.
С того, в чем я уверен, меня не сбить никак.
Я думаю, что трижды три...

БИРОН.

Не девять. Так, что ли?

БАШКА.

Вы уж простите, сударь, я сам знаю, сколько это будет.

БИРОН.

А я-то всегда считал, что трижды три – девять.

БАШКА.

О господи! Вот было бы несчастье, сударь, если б вам
пришлось зарабатывать на хлеб счетоводством.

БИРОН.

Так сколько же, по-твоему, это будет?

БАШКА.

О господи! Да вам, сударь, сами герои, то бишь исполнители, покажут, сколько это будет. А на мою долю, как они сказали, придется одна роль. Я – человек маленький и буду изображать всего одного человека, да зато – Помпиона Великого.

БИРОН.

Выходит, ты тоже будешь героем?

БАШКА.

Им угодно было поручить мне роль героя Помпиона Великого. Я уж там не знаю, вправду ли он был герой, но изображать-то мне придется именно его.

БИРОН.

Ступай. Вели приготовляться.

БАШКА.

Уж мы-то не сплосаем. Сумеет постараться.

(Уходит.)

КОРОЛЬ.

Бирон, прогнать их нужно. Мы осраимся с ними.

БИРОН.

Но нам прямой расчет при нашем сраме
Искать таких, кто хуже, чем мы сами.

495

КОРОЛЬ.

Не смей впускать их!

ПРИНЦЕССА.

Простите, государь, но вы неправы.
Чем безыскусней, тем милей забавы.
Стремленье проявить излишек рвения
Лишает смысла лучшие стремленья,
И тем быстрее, чем сложнее их форма,
Большие мысли превратим во вздор мы.

БИРОН.

Усилий наших верная картина!

Входит АРМАДО.

АРМАДО.

Помазанник божий! Испрашиваю такое количество вашего благодатного монаршего дыхания, которого довольно для произнесения двух слов. *(Отходит с королем, в сторону, вручает ему бумагу и беседует с ним.)*

ПРИНЦЕССА.

Этот человек – служитель божий?

БИРОН.

Почему вы так думаете?

ПРИНЦЕССА.

Потому что он говорит не так, как все прочие люди.

АРМАДО.

Это совершенно все равно, мой достославный, драгоценнейший и сладчайший повелитель, ибо школьный учитель, уверяю вас в этом, человек характера крайне причудливого и слишком, слишком тщеславного. Но мы, как говорится, все-таки положимся на fortuna della guerra⁴¹. Прошу у царственных особ позволения пожелать им душевного спокойствия!

(Уходит.)

КОРОЛЬ.

Похоже, что сейчас перед нами пройдут парадом славные герои. Вот этот человек изображает Гектора Троянского, шут – Помпея Великого, приходский священник – Александра, паж Армадо – Геркулеса, школьный учитель – Иуду Маккавея.

496

Коль удадутся роли героев четверых,
Они, сменив костюмы, сыграют остальных.

БИРОН.

Но и сейчас уже их пять.

КОРОЛЬ.

Вы не умеете считать.

БИРОН.

Школьный учитель, фанфарон, попик, шут и мальчишка!
Никто, играй он в кости хоть целые года,
Не выбросит пятерки подобной никогда.

КОРОЛЬ.

Корабль под парусами и к нам плывет сюда.

Входит БАШКА, изображающий Помпея.

БАШКА.

«Вот я, Помпей...»

БОЙЕ.

Поверить трудно мне.

БАШКА.

«Вот я, Помпей...»

БОЙЕ.

С пантерой на броне.

БИРОН.

Недурно! Могу примириться с таким шутником я вполне.

БАШКА.

«Вот я, Помпей, по прозвищу Огромный».

ДЮМЕН.

Великий.

БАШКА.

Так точно, сударь, Великий.

«...Помпей, по прозвищу Великий,

Который в битвах истреблял врагов мечом и пикой.

497

Придя сюда издалека, я счастлив меч ужасный

Снять и сложить во прах у ног француженки прекрасной».

Если ваше высочество скажет мне: «Спасибо, Помпей», то я свою роль окончил.

ПРИНЦЕССА.

Великому Помпею – великое спасибо.

БАШКА.

Ну, такого великого я, конечно, не стою. Но надеюсь, что не оплошал. Только вот на «великом» малость сбился.

БИРОН.

Ставлю свою шляпу против гроша, что Помпей-то и окажется самым лучшим из героев.

Входит ОТЕЦ НАТАНИЭЛЬ, изображающий Александра.

НАТАНИЭЛЬ.

«Когда я в мире жил, над миром я царил,
Юг, север, и восток, и запад покорив.
Я – Алисандр, и в том мой герб вас убедил...»

БОЙЕ.

Нет, вы – не Александр, так как ваш нос не крив.

БИРОН (*к Бойе*)

А ваш – отменно чуток, такой изъян открыв.

ПРИНЦЕССА.

Насмешками в герое не охлаждайте пыл.

НАТАНИЭЛЬ.

«Когда я в мире жил, над миром я царил...»

БОЙЕ.

Ты впрямь, я вижу, Алисандром был.

БИРОН.

Помпей Великий!

БАШКА.

Он же и Башка, ваш покорный слуга.

498

БИРОН.

Уведи-ка завоевателя, уведи Алисандра.

БАШКА.

Ну, сударь, провалились вы с вашим Алисандром-завоевателем. Стащат с вас теперь ваши расписные доспехи, вашу пантеру, которая расселась с алебардой на стульчаке, и отдадут Аяксу, девятому герою. Тоже мне завоеватель: двух слов связать не может. Уходи-ка, Алисандр, от стыда подальше.

НАТАНИЭЛЬ *уходит*.

Вот он, с вашего позволения, человек хоть глуповатый, но тихий и порядочный, а сбить его с толку – легче легкого. Сосед

он превосходный, и в шары хорошо играет, только в Алисандры, сами видите, не вышел. Вовсе не годится! Но зато следующие герои совсем по-другому заговорят.

ПРИНЦЕССА.

Отойди-ка в сторону, любезный Помпей.

Входят ОЛОФЕРН, изображающий Иуду Маккавея, и МОТЫЛЕК, изображающий Геркулеса.

ОЛОФЕРН.

«Сей юноша – великий Геркулес,
Кем Цербер побежден, треглавый capus⁴²,
Кто сыном был властителя небес,
Кто в детстве змей душил своею manus⁴³
Quoniam⁴⁴ он ребенок по годам,
Я, ergo⁴⁵ аполог исполнил сам»

(Мотыльку.)

Теперь уйди, сохраняя достойную осанку.

МОТЫЛЕК отходит в сторону.

«Иуда я...»

ДЮМЕН.

Иуда!

ОЛОФЕРН.

Не Искарриот, сударь.

«Иуда я, что прозван Маккавеем...»

499

ДЮМЕН.

Отбрось Маккавея – все равно остается Иуда.

БИРОН.

Лобзающий предатель, как же ты стал Иудой?

ОЛОФЕРН.

«Иуда я...»

ДЮМЕН.

Тем больше сраму для тебя, Иуда.

ОЛОФЕРН.

Позвольте, сударь...

БОЙЕ.

Позволяю Иуде пойти и повеситься.

ОЛОФЕРН.

Покажите пример: вы – древнее.

БИРОН.

Недурно сказано. Древний Иуда тоже повесился на древе.

ОЛОФЕРН.

Я не позволю касаться моей личности.

БИРОН.

Да у тебя нет никакой личности, потому что и головы нет.

ОЛОФЕРН (*подносит руку к лицу*)

А это что?

БОЙЕ.

Головка на цитре.

ДЮМЕН.

Головка булавки.

БИРОН.

Мертвая голова, вырезанная на печатке.

ЛОНГВИЛЬ.

Голова на стертой римской монете.

БОЙЕ.

Рукоять меча, принадлежавшего Цезарю.

ДЮМЕН.

Резная пробка солдатской пороховницы.

500

БИРОН.

Полщеки святого Георгия на пряжке.

ДЮМЕН.

Да еще на оловянной.

БИРОН.

Носимой зубодерами на шляпе.
Ну, дальше. С личностью твоей все ясно.

ОЛОФЕРН.

Я из-за вас голову потерял.

БИРОН.

Наоборот, мы-то тебя ею и наградили. И притом не одной.

ОЛОФЕРН.

И все это для того, чтобы оскорбить мою личность!

БИРОН.

Будь ты хоть львом, мы сделали бы то же.

БОЙЕ.

А так как ты осел, тебе здесь быть негоже.
Иди, Иуда, прочь. Чего ж ты встал, осел?

ДЮМЕН.

Ему не хватает удара кнутом.

БИРОН.

Я помогу ему. А ну, пошел!

ОЛОФЕРН.

Учтивей и умней вы быть могли б!

БИРОН.

Огня monsieur Иуде, чтоб нос он не расшиб.

ПРИНЦЕССА.

Злосчастный Маккавей! Как ты осмеян!

Входит АРМАДО., изображающий Гектора.

БИРОН.

Прячься, Ахилл: идет вооруженный Гектор.

501

ДЮМЕН.

Вот теперь я посмеюсь хоть на свою же голову.

КОРОЛЬ.

По сравнению с этим настоящий Гектор был самым заурядным троянцем.

Б О Й Е .

Да разве это Гектор?

К О Р О Л Ь .

Думается мне, Гектор был не так хорошо сложен.

Л О Н Г В И Л Ь .

Для Гектора у него ноги толстоваты.

Д Ю М Е Н .

Особенно в икрах.

Б О Й Е .

Нет, настоящий Гектор был куда тщедушнее.

Б И Р О Н .

Какой это Гектор!

Д Ю М Е Н .

Он либо бог, либо художник: все время делает рожи.

А Р М А Д О .

«Копьemetатель Марс, непобедимый бог,
Дал Гектору...»

Д Ю М Е Н .

Золоченый орех.

Б И Р О Н .

Лимон.

Л О Н Г В И Л Ь .

С воткнутой в него гвоздикой.

Д Ю М Е Н .

Нет, просто с гвоздем.

А Р М А Д О .

Внимание!

«Копьemetатель Марс, непобедимый бог,
Дал Гектору, троянскому герою,
Такую мощь, что тот с зари сражаться мог,

До темноты не прерывая боя.
Я – этот цвет...»

ДЮМЕН.

Чертополоха.

ЛОНГВИЛЬ.

Мяты.

АРМАДО.

Дорогой Лонгвиль, обуздай свой язык.

ЛОНГВИЛЬ.

Наоборот, мне нужно его разнуздать, потому что он должен угнаться за Гектором.

ДЮМЕН.

А Гектор – быстр, как гончая.

АРМАДО.

Славный воин умер и истлел. Милые дети, не ворошите прах усопшего. Пока он дышал, он был настоящим человеком. Но продолжаю свою роль. (*Принцессе.*) Очаровательная принцесса, обрати ко мне чувство слуха твоего королевского высочества.

ПРИНЦЕССА.

Говори, храбрый Гектор, мы с удовольствием тебя послушаем.

АРМАДО.

Я боготворю туфлю твоего прелестного высочества.

БОЙЕ (*тихо, Дюмену*)

Его любовь ограничивается пятками.

ДЮМЕН (*тихо, к Бойе*)

Потому что выше ему не добраться.

АРМАДО.

«Сей Гектор Ганнибала превзошел...»

БАШКА.

Плохо дело, друг Гектор, плохо. Оно уже два месяца тянется.

АРМАДО.

Что ты имеешь в виду?

БАШКА.

Ей-богу, если вы не будете честным троянцем, - бедной бабенке пропадать. Она на сносях. Ребенок уже шевелится у нее в животе, а ведь он от вас.

АРМАДО.

Ты диффамируешь меня перед владетельными особами! Ты заслуживаешь смерти.

БАШКА.

А Гектор заслуживает порки за то, что обрюхатил Жакнету, и виселицы зато, что убил Помпея.

ДЮМЕН.

Несравненный Помпей!

БОЙЕ.

Достославный Помпей!

БИРОН.

Великий из великих, превеликий, величайший Помпей!
Непомерный Помпей!

ДЮМЕН.

Смотрите, Гектор трепещет.

БИРОН.

Помпей разгневался. Сюда, Ата! Трави их, трави!

ДЮМЕН.

Гектор вызовет его на бой.

БИРОН.

Даже если в нем крови не больше, чем нужно блохе на ужин.

АРМАДО.

Северным полюсом вызываю тебя на поединок.

БАШКА.

Ни полюсом, ни палицей я драться не умею, а вот мечом могу!
Пожалуйста, верните мне оружие Помпея.

ДЮМЕН.

Место для разгневанных героев!

БАШКА.

Я буду драться в одной рубашке.

504

ДЮМЕН.

Неустрасимый Помпей!

МОТЫЛЕК.

Хозяин, позвольте мне расстегнуть вас. Разве вы не видите, что Помпей разоблачается для боя? Чего же вы ждете? Вы погубите свою репутацию.

АРМАДО.

Извините меня, господа, но я не хочу биться в рубашке.

ДЮМЕН.

Вам нельзя отказываться: ведь вызов сделан Помпеем.

АРМАДО.

Драгоценные мои, я желаю только того, что могу.

БИРОН.

Что это значит? Объяснитесь.

АРМАДО.

Открою вам голую правду: у меня нет рубашки и я надеваю шерстяной камзол прямо на тело, как власяницу.

БОЙЕ.

Он правду говорит. На него эту эпитимью наложили в Риме за то, что у него не водится белья. С тех пор, ручаюсь вам, он никогда не надевал белья, если не считать кухонной тряпки Жакнеты, которую он носит на груди, как залог любви.

Входит МЕРКАД.

МЕРКАД.

Бог да хранит принцессу!

ПРИНЦЕССА.

Вам, Меркад,
Я рада, хоть забаву вы прервали.

МЕРКАД.

Я удручен, что должен сообщить
Вам горестную весть. Король, отец ваш...

ПРИНЦЕССА.

Он умер? Боже!

505

МЕРКАД.

Да, вы угадали.

БИРОН.

Герои, скройтесь с омраченной сцены.

Герои уходят.

КОРОЛЬ.

Принцесса, успокойтесь!

ПРИНЦЕССА.

Бойе, мы едем ночью. Собирайтесь!

КОРОЛЬ.

Останьтесь с нами, умоляю вас.

ПРИНЦЕССА.

Нет, собирайтесь. Слышите? – Спасибо
Вам за прием любезный, господа.
Надеюсь всей душой моей печальной,
Что ваш широкий ум нас извинит
За слишком смелые порой насмешки.
И если с вами были мы дерзки,
То лишь терпенье и учтивость ваши
Тому виной. Прощайте, государь!
Кто грустен сердцем, на слова не щедр.
Простите ж мне скупую благодарность
За исполненье столь огромной просьбы.

КОРОЛЬ.

Бег времени в последнюю минуту
События нередко ускоряет,
Мгновенно разрешая все, о чем
До этих пор шли безуспешно споры.
Хоть горе дочери и несовместно
Со светлой и смеющейся любовью,
Как ни чисты ее святые цели,
Но если к ним она уже открыто
Пошла своим путем, пусть тучи скорби
Его не затемнят. Благоразумней

Искать себе отраду в новых ближних,
Чем сокрушаться о потере старых.

506

ПРИНЦЕССА.

Я вас не понимаю. Скорбь – глуха.

БИРОН.

Вонмет и скорбь простой и ясной речи.
Я объясню намеки короля.
Лишь ради вас мы, расточая время.
Обет презрели; ваша красота
Преобразила нас, и чувства наши
Наперекор намереньям пошли.
Вот почему вы нас сочли смешными.
Любовь порывиста до неприличья,
Капризна, как дитя, тщеславна, вздорна.
Из глаз родясь, она, как и глаза,
Полна страннейших образов и форм,
Меняющихся с той же быстротою,
С какой глаза меняют впечатленья.
И если мы в одежде шутовской
Глазам небесным вашим показались
Пустыми и бесчестными лгунами,
То кто же, кроме глаз небесных ваших,
Нас уличивших, в этом виноват?
Вы породили в нас любовь, а значит,
И все ее ошибки. Мы обет
Нарушили, чтоб верность сохранить
Вам, кто его заставил преступить.
И этим самым зло измены нашей,
Само себя очистив, стало благом.

ПРИНЦЕССА.

Пришли от вас любовные посланья
С подарками – посланцами любви,
Но наш совет девичий их почел
За шутку, за любезность, за узор
Для вышиванья по канве досуга,
И мы, всерьез подарки не приняв,
Ответили насмешкой на любовь,
В которой лишь насмешку увидали.

ДЮМЕН.

Отнюдь не шуткой были наши письма.

ЛОНГВИЛЬ.

И взоры...

507

РОЗАЛИНА.

Мы их поняли иначе.

КОРОЛЬ.

Так удостойте нас любви хотя бы
В последний час.

ПРИНЦЕССА.

Час – слишком краткий срок
Для заключенья вечного союза.
Нет, государь, вы тяжко провинились,
Обеты преступив. А потому,
Коль вам нужна моя любовь (чему я
Пока не верю), поступите так:
Клятв не давайте мне, но поскорее
В какой-нибудь заброшенный приют
От светского веселья удалитесь
И ждите там, пока не совершат
Свой круг двенадцать знаков зодиака.
И если в одиночестве суровом
Не охладет пыл желаний ваших,
И если от постов, нужды и стужи
Не облетит любви цветок веселый,
Из испытаний выйдя столь же пышным,
Тогда, чуть год окончится, во имя
Своих заслуг моей любви потребуй, –
И этой девственной рукой, которой
Твою сжимаю, клятву я даю
Тебе принадлежать. А я отныне
Уединюсь в своем жилище мрачном,
В котором буду горькими слезами
Оплакивать усопшего отца.
А коль не хочешь – руки разомкнем,
Чтоб врозь сердца пошли своим путем.

КОРОЛЬ.

Коль побоюсь я променять покой
На искус этот иль еще труднее,
Пускай глаза мне смерть смежит рукой.

Навеки сердце отдаю тебе я.

БИРОН.

А мне что скажет милая моя?

508

РОЗАЛИНА.

Как и король, должны вы искупить
Грех клятвопреступленья и обмана.
И если вам нужна моя любовь,
Вы будете в больнице за больными
Ухаживать без отдыха весь год.

ДЮМЕН.

Жду слова и от вас, моя любовь.

КАТЕРИНА.

Вот три: здоровья, честности, усов
Я вам желаю с нежностью тройною.

ДЮМЕН.

Могу ль теперь я вас назвать женою?

КАТЕРИНА.

Пока что – нет. Но год и сутки ровно
Глуха я буду к болтовне любовной.
Когда ж принцесса под венец пойдет,
И вам кроха любви перепадет.

ДЮМЕН.

Слугою вашим быть даю вам слово.

КАТЕРИНА.

Без клятв! Иль вы нарушите их снова.

ЛОНГВИЛЬ.

А вы, Мария?

МАРИЯ.

Траурное платье
На друга через год могу сменять я,

ЛОНГВИЛЬ.

Хоть долог срок, придется подождать.

МАРИЯ.

Мой долговязый друг, он вам под стать.

БИРОН.

О чем ты так задумалась? Взгляни
В мои глаза, как в окна сердца, чтобы

509

В них прочитатъ смиренную готовность
Любой ценой снискатъ твою любовь.

РОЗАЛИНА.

Бирон, еще до нашего знакомства
О вас мне слышать много приходилось.
Молва везде твердит, что вы – насмешник,
Обидных прозвищ и сравнений мастер,
Всегда готовый высмеять любого,
Кто попадетсѧ вам на язычок.
Чтоб выхолотъ ваш плодовитый ум
И тем завоеватъ мою любовь,
Которой вам без этого не видетъ,
Благоволите провести весь год
В больнице меж страдальцами немыми,
Даря беседой лишь калек брюзгливых
И тратя остроумье лишь на то,
Чтобы больных заставить улыбнуться.

БИРОН.

Как! Вырывать из пасти смерти смех?
Я не могу! Мне это не под силу.
Агонию смягчить не властна шутка.

РОЗАЛИНА.

Но это укрощает едкий ум,
Опасный лишь благодаря хвале
Глупцов, чей хохот вторит остряку.
Остроту делают удачной уши
Тех, кто внимает ей, а не язык
Того, кто отпустил ее. И если
Те, кто оглох от собственного стопа,
Ваш вздор согласны слушать, что ж! – острите,
Я вас приму и с этим недостатком.
А если нет, – старайтесь от него
Избавиться, чтоб я при встрече с вами
Порадовалась этой перемене.

БИРОН.

Хоть срок велик, придется с ним смириться.
Отправляюсь на год я острить в больницы.

ПРИНЦЕССА (*королю*)

Теперь нам, государь, пора проститься.

510

КОРОЛЬ.

Но мы вас проводить еще желаем.

БИРОН.

Не так, как в старых фарсах, мы кончаем:
В них Дженни получает Джек, а нам
Достался лишь отказ от наших дам.

КОРОЛЬ.

Нам не отказ, а срок годичный дали.

БИРОН.

Да зритель вытерпит его едва ли.

Входит АРМАДО.

АРМАДО.

Светлейший государь, соблаговолите...

ПРИНЦЕССА.

Не Гектор ли это?

ДЮМЕН.

Доблестный троянский воитель.

АРМАДО.

Я жажду облобызать монаршие персты и откланяться. Меня связал обет: я поклялся Жакнете три года ходить за плугом ради се сладчайшей любви. Но не угодно ли будет теперь вашему досточтимому величеству послушать диалог, сочиненный двумя учеными мужами в похвалу сове и кукушке? Им и могло бы завершиться наше представление.

КОРОЛЬ.

Зови их скорее; мы согласны.

АРМАДО.

Эй! Входите.

Входят Олоферн, Натаниэль, Мотылек, Башка и другие.

С одной стороны – Ниems, Зима; с другой – Ver, Весна. Одну олицетворяет сова, другую – кукушка. Ver, начинай.

511

ПЕСНЯ.

ВЕСНА.

Когда фиалка голубая,
И желтый дрок, и львиный зев,
И маргаритка полевая
Цветут, луга ковром одев,
Тогда насмешливо кукушки
Кричат мужьям с лесной опушки:

Ку-ку!
Ку-ку! Ку-ку! Опасный звук!
Приводит он мужей в испуг.

Когда пастух с дудой дружен,
И птицы вьют гнездо свое,
И пахарь щебетом разбужен,
И девушки белят белье,
Тогда насмешливо кукушки
Кричат мужьям с лесной опушки:

Ку-ку!
Ку-ку! Ку-ку! Опасный звук!
Приводит он мужей в испуг.

ЗИМА.

Когда свисают с крыши льдинки,
И дует Дик-пастух в кулак,
И леденеют сливки в крынке,
И разжигает Том очаг,
И тропы занесло снегами,
Тогда сова кричит ночами:

У-гу!
У-гу! У-гу! Приятный зов,
Коль суп у толстой Джен готов.

Когда кругом метут бураны,
И онемел от кашля поп,
И красен нос у Марианны,
И птица прячется в сугроб,
И яблоки румянит пламя,

Тогда сова кричит ночами:

512

У-гу!
У-гу! У-гу! Приятный зов,
Коль суп у толстой Джен готов.

АРМАДО.

Слова Меркурия режут ухо после песен Аполлона. А теперь
разойдемся кто куда.

Уходят.

542

«БЕСПЛОДНЫЕ УСИЛИЯ ЛЮБВИ»

Комедия эта была впервые напечатана в 1598 году под заглавием «Забавная и остроумная комедия, называемая Бесплодные усилия любви, как она была представлена перед ее величеством в минувшее рождество, вновь исправленная и дополненная У. Шекспиром».

Уже одно заглавие это доказывает, что комедия была написана раньше, быть может, задолго до 1598 года. О том же свидетельствует и целый ряд стилистических черт, характерных для ранней манеры Шекспира: огромное количество рифмованных стихов (значительно более половины всего текста), обилие мифологических образов, вставных иноязычных слов и фраз, каламбуров и вообще всяких языковых прикрас, свойственных эвфуизму. В этой пьесе Шекспир заканчивает начатое им в «Комедии ошибок» усвоение гуманистической литературной культуры в той форме, в какой он мог познакомиться с нею в кружках передовой английской аристократии (см. выше статью о «Комедии ошибок»).

Анализ сюжета пьесы позволяет примерно определить время ее возникновения. В отличие от большинства других пьес Шекспира комедия не представляет собой обработки какой-либо готовой фабулы. Да фабулы в ней, в сущности, и нет. Что же касается фона, на котором разворачивается действие, то он навеян историческими фактами и персонажами. Место действия комедии - Наварра (на юге Франции), герой ее – никогда не существовавший король Фердинанд, в котором нетрудно узнать популярного в эпоху Шекспира Генриха Наваррского, вступившего в 1589 году на французский престол под именем Генриха IV. Выступающие в пьесе приближенные короля – Бирон, Лонгвиль, Дюмен - также являются историческими лицами, игравшими видную роль в политических событиях 1581-1590 годов. Маршал Бирон и герцог Лонгвиль были соратниками Генриха во время «религиозных» войн, а герцог Дюмен (de Mayenne) – его политическим врагом, одним из вождей Католической лиги. Что касается французской принцессы, то в ней нетрудно узнать Маргариту Валуа, сестру королей Карла IX и Генриха III, первую жену Генриха Наваррского, с которой он расстался после организованной в день их свадьбы католиками резни Варфоломеевской ночи (1572). Осенью 1578 года Маргарита, якобы для примирения с

мужем, совершила поездку в местечко Нейрак, где Генрих жил уединенно в кругу своих приверженцев. Приезд Маргариты вызвал ряд блестящих празднеств, служивших прикрытием для политических интриг, которые являлись главной целью поездки Маргариты.

Итак, при всей своей галантной условности фабула пьесы имеет реальную основу в исторических фактах, являвшихся злободневными в 1590-1591 годах, когда внимание всей Европы, а в особенности Англии, было устремлено на французские события. Королева Елизавета была союзницей Генриха и помогала ему в борьбе против Лиги. В октябре 1591 года граф Эссекс отправился во главе английской армии в Дьепп и вместе с маршалом Бироном действовал против Руана. В это время интерес английского двора к борьбе гугенотского короля за власть достиг своего апогея. В следующем году граф Эссекс вернулся в Англию, а вслед за тем Генрих парализовал происки папы, поддерживавшего Лигу, своим переходом в католичество (1593). Это ренегатство разгневало Елизавету, и Генрих сразу утратил свою популярность в Англии. Таким образом, возникновение первой редакции комедии можно с большой вероятностью отнести к 1590-1591 годам, а окончательную

543

обработку ее – на основании стилистических признаков – скорее всего к 1594 или 1595 году.

В чем состояла эта переработка, мы можем лишь догадываться. По всей вероятности, дело свелось главным образом к вставкам в IV и V акты разных дивертисментных номеров (маскарад «московитов», интермедия «Девять героев» и т. п.), предназначенных для увеселения придворной публики. Отсюда непомерная длина этих двух актов по сравнению с первыми тремя, совсем короткими.

На представлении в сезон 1597/98 года комедия имела, по-видимому, успеху придворной публики, так как в 1604 году она была снова поставлена при дворе по инициативе графа Саутгемптона. Но несомненно, что у широкого зрителя эта почти бессюжетная и очень изысканная по стилю пьеса не могла иметь успеха. До нас все же дошло известие об одном ее представлении на сцене публичного театра. Но дошло также стихотворение (1598) некоего Тофта, очевидно, выразителя вкусов широких слоев горожан, отозвавшегося об этой комедии как о «натянутой» и «фальшивой».

По своему построению и стилю «Бесплодные усилия любви» являются, формально рассуждая, типичной любовных, аллегорических или пасторальных представлений, которые назывались в Англии «масками» и являлись излюбленным украшением придворных празднеств. Весь последний акт комедии с его любовными поединками, дивертисментными номерами и ряженьем вводит нас в атмосферу придворных маскарадных представлений.

Также и основная ситуация комедии – создание группой молодых образованных вельмож философской «академии» с полным отрешением от житейских забот и сердечных страстей уводит нас в ту же среду. Италия позднего Возрождения была полна такого рода «академиями», где дебатировались и излагались в стихах и прозе всякого рода морально-философские вопросы, проблемы любви, пристойного

жизненного поведения. Европейскую славу приобрел сборник таких бесед, происходивших в герцогском кружке г. Урбино, записанных Бальдассаре Кастильоне, озаглавленный «Придворный» (1528). Подобные «академические» заседания происходили и при дворе французского короля Генриха III (ум. в 1589 г.). Были такие кружки и в Англии – например кружок, собиравшийся в 1592 году в доме сэра Уолтера Роли, или другой, группировавшийся вокруг покровительствовавшего Шекспиру Саутгемптона и его друга Эссекса. Дошло сведение, что граф Нортемберленд, патрон многих ученых и поэтов, в том числе, по-видимому, и Марло написал этюд, в котором доказывал несовместимость любви с наукой. Вообще вопросы о природе любви, о ее правах и возможностях – конечно, любви «возвышенной», в плане платонического мировоззрения – волновали всю «философствующую» Европу XVI века.

Для задуманной им картины Шекспир использовал материал и краски весьма различного происхождения. Одним из источников послужило ему творчество драматурга Лили, создателя эвфуистического стиля, затейливого и утонченно-изящного. Влияние Лили проявилось не только в стиле, но и в построении комедии и ее сюжетных ситуациях. В композиции пьесы царит четкая симметрия. Она сказывается и в распределении персонажей (с одной стороны – король с тремя придворными, с другой – принцесса с тремя дамами) и в построении отдельных сцен и диалогов, состоящих из правильно чередующихся, точно соразмеренных реплик. Рисунок диалога имеет четкость балетных фигур и как бы подчиняется правилам светского этикета. Сюда присоединяется

544

правильное чередование сцен верхнего и нижнего плана – лирических и буффонных. Введение параллельной интриги низшего плана, как бы пародирующей основную, – тоже излюбленный прием Лили. Отдельные ситуации комедии также имеют свои прототипы в изящных комедиях Лили – «Сафо», «Мидас», «Метаморфоза любви» и особенно «Эндимион», в котором мы находим прототипы испанца Армадо и его пажа Мотылька.

Другим источником – именно для персонажей низшего плана – послужила очень привлекавшая молодого Шекспира итальянская комедия дель арте. Здесь на первом месте стоит долговязый дон Адриано де Армадо, напоминающий излюбленный в итальянской комедии тип Капитана, находящийся в родстве с плавтовским «хвастливым воином». Подобно итальянскому Капитану, Армадо – испанец, и карикатурная фигура его должна была казаться особенно злободневной в годы ожесточенной борьбы между Англией и Испанией. Самое имя причудливого испанца напоминало публике о разгроме «Непобедимой Армады» английским флотом (1588). Заметим, однако, что дон Армадо имеет у Шекспира очень мало национальных черт; он совсем не пользуется иностранным акцентом, и самый стиль его речей не носит отпечатка причудливой напыщенности, характерной для Капитана итальянской комедии. В основе его стиля лежит скорее велеречивый педантизм, лишенный, однако, южного колорита.

Такой же традиционно комической фигурой является педант Олоферн, имя которого восходит, по-видимому, к «великому ученому софисту, именуемому господин Тубал Олоферн» из знаменитого романа Рабле. Но вместе с тем он имеет общие черты и с весьма популярным в итальянской комедии типом Педанта, или Доктора. Однако, в отличие от последнего, Олоферн – карикатура не на ученого юриста, а на школьного учителя, вследствие чего он и разглагольствует преимущественно на темы из области грамматики и филологии. Олоферн – хронологически первый тип педанта на английской сцене. Дополнением к нему является священник Натаниэль, его почитатель и подражатель.

К этим основным комическим типам присоединяется ряд буффонных персонажей, которые, хотя и имеют известную связь с масками итальянской комедии, все же в гораздо большей степени восходят к народной английской основе, к бытовым крестьянским театрализованным типам. Таков шут Башка, который при известном сходстве с типом «второго Дзанни» заключает в себе достаточно национальных черт и должен быть рассматриваем как тип английского клоуна. Его достойным партнером является другой клоун, констебль Тупица. Наконец, предмет вожделений Башки и дона Армадо крестьянка Жакнета представляет собой яркий тип здоровой и жизнерадостной английской крестьянки, чуждой ухищрений и изворотов светского обхождения и, при всей своей простоте, в душе посмеивающейся над ними.

Но все перечисленные элементы пьесы, все эти великосветские и итальянские влияния – лишь материал, которым Шекспир воспользовался совсем в других, противоположных целях. Подобно тому как позже, в «Сне в летнюю ночь» и в «Как вам это понравится», предлагая сходный материал в весьма с виду привлекательном, как бы опозитизированном виде, он, по существу, его развенчивает, – так и здесь уже он противопоставляет ему правду живых и естественных чувств.

Псевдоисторическая костюмерия и аристократическая декоративность послужили Шекспиру лишь поводом для утверждения самых передовых идей и реального чувства жизни. Изысканность придворных персонажей пьесы изобличает сама своя пустота, и эвфуизм их стиля

545

и чувств незаметно переходит в пародию на него. В пьесе высмеивается попытка молодых эстетизированных фантазеров уйти от жизни, от действительности в абстракцию, в пустые претенциозные бредни. Жизнь опрокидывает их нелепый замысел, и все их философские обеты летят кувырком с приездом принцессы и ее подруг.

Так же плачевно заканчиваются и другие, едва намеченные интриги пьесы. Выспренный дон Армадо позорно оттеснен в его любовных искательствах грубоватым, но житейски неглупым шутком Башкой, а «премудрые» Олоферн и его дружок сэр Натаниэль, добродушно высмеянные персонажами верхнего плана, ступшеваются и бесследно исчезают из пьесы.

Рупором идей Шекспира в этой комедии является самый умный, самый живой, самый привлекательный из ее персонажей – Бирон. Непринужденная веселость,

яркость, правдивая жизненность его речей и жестов проходят красной нитью через всю пьесу, начиная с первой сцены (у Шекспира почти всегда очень важной), где он потешается над «заповедями», которые ему пытаются навязать, и кончая двумя его блестящими монологами (V, 2), резюмирующими весь смысл и содержание пьесы.

В первом из них (примерно в середине сцены) он отрекается от всякого притворства и жеманности, призывая к простоте, к естественности как самих чувств, так и их выражения. Острыми и точными, притом горячими, идущими от души словами он отвергает всякий эвфуизм и вычур, высмеивая их весело и жестоко.

Во втором (к концу пьесы) – Бирон произносит вдохновенное славословие любви, которую его легкомысленные сотоварищи хотели изгнать из своей жизни, заменив абстрактным мудрствованием, холодной метафизикой. Нет, любовь к женщине и есть единственный живой источник всякой мудрости, всякого знания. Это главный светоч человека, истинный огонь Прометея.

Мысль эта в теоретических рассуждениях XVI века была широко распространена. Восходя к идеалистической концепции любви у трубадуров, подхваченная всей школой «сладостного нового стиля», включая Данте, она получила новое и пышное развитие в неоплатонической философии позднего Ренессанса. Но дело не в теоретической формулировке ее, а в наличии реального переживания, живого и глубокого внутреннего опыта, с которым она связана. Бирон – тот из всей компании, который способен наиболее искренне и пылко чувствовать. И отсюда его огненные слова, пламенная вера в то, что он говорит. А говорит он, в сущности, о торжестве жизни, о правде чувства, о радости реальной действительности, перед которой должны скрыться все метафизические призраки.

Пьеса как будто бы не имеет развязки. Согласия на брак ни одна из четырех красавиц не дала, и все они потребовали отсрочки на один год. Но, собственно говоря, это и есть вполне удовлетворительная развязка, заключающая в себе очень важную и интересную мысль. Счастье не падает человеку само в руки. Нужно его заслужить, нужно суметь стать достойным его. Молодые метафизики только что предавались смешным бредням. Теперь они должны проверить свои внезапно вспыхнувшие чувства, должны стать людьми по-настоящему простыми и верными. Счастье – не формула, а путь, и они должны показать себя способными идти по этому пути. Но, как всегда в комедиях Шекспира, мысль эта выражена без всякой назидательности, а в легкой, юмористической форме разных шуточных заданий, даваемых красавицами влюбленным в них юношам.

А. Смирнов

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «БЕСПЛОДНЫХ УСИЛИЙ ЛЮБВИ»

Стр. 393. Действующие лица. – Фердинанд, король Наварры, – см. статью о пьесе. В самом тексте имя короля ни разу не встречается. Переименование Генриха в Фердинанда было сделано, вероятно, для того, чтобы избежать обвинения со стороны цензуры в каком-либо нежелательном, с ее точки зрения, политическом намеке.

Бирон, Лонгвиль, Дюмен, Армадо – см. статью о пьесе.

Имя пажа Мотылек указывает на его миниатюрность и подвижность.

Натаниэль (франц. форма имени Нафанаил) – одно из популярных среди пуритан библейских имен.

Стр. 400. Аквитания – первоначально область Галлии от реки Гаронны до Пиренеев. Затем она вошла в состав Франции, образовав провинцию Гюйенн.

Стр. 409. Это и ученая лошадь на ярмарке вам сосчитает. – Намек на популярную в то время дрессированную лошадь, известную под кличкой Марокко, о которой упоминают современники Шекспира.

Стр. 410. ...весьма весомые городские ворота мог на плечах нести. – Намек на библейское сказание о Самсоне, который, будучи заперт филистимлянами в одном из их городов, снял ворота с петель, взвалил их себе на плечи и унес.

Стр. 411. Баллада про короля и нищенку – часто упоминаемая у Шекспира баллада о короле Кофетуа и нищенке Зенелофон.

Стр. 428. Конек-скакунок – одна из забав английских народных гуляний и ярмарочного театра: кукла в виде конской головы с грудью прикреплялась к спине или шее человека, который, упершись руками в колени, прыгал, изображая лошадь. Под влиянием пуритан забава эта во времена Шекспира начала выходить из моды.

Стр. 430. Посыл – последняя строфа из стихотворения, содержащая восхваление лица, которому оно адресовано.

Данное – основная часть стихотворения, излагающая исходное положение или задание.

Стр. 432. ...что это еще за репарация. – В подлиннике renumeration – «вознаграждение». Слово это, непонятное для деревенской простака Башки, обыгрывается в последующих строках.

Стр. 435. Аргус – в греческой мифологии стоглазый великан.

Стр. 439. ...Немейский лев рычит... – Один из подвигов Геркулеса состоял в том, что он убил грозного льва, жившего в Немейском лесу

Стр. 440. Монарко – прозвище, которое дал себе один полубезумный итальянец, вообразивший себя «императором мира». Во времена Шекспира он проживал в Англии.

Стр. 441. Пипин Французский – король франков Пипин Короткий, отец Карла Великого, живший в VIII в. н. э.

Джиневра Британская – жена Артура, легендарного короля древней Британии.

Стр. 444. Диктина – критское божество, древними отождествлявшееся с Дианой, богиней луны.

Стр. 446. «Фауст, прошу тебя...» – первые слова латинской эклоги поэта XV в. Баптисты Спаньолы, уроженца Мантуи.

Стр. 447. «Венеция, Венеция...» – итальянское двустишие, которое приводится в учебнике итальянского языка Флорио, изданием в Лондоне в 1591 г.

За что его называли Назоном? – Назон как имя нарицательное по-латыни означает – большой нос.

547

Стр. 449. ...любовь безумна, как Аякс, – намек на предание об Аяксе, одном из героев Троянской войны, который в припадке безумия бросился с мечом на стадо баранов, приняв их за обидевших его греков, и принялся их избивать. Сказание это составило сюжет трагедии Софокла «Аякс-Биченосец».

Стр. 468. Что за фигура? – Рогатая. – Здесь намек на так называемый «рогатый силлогизм» (фигура логики), сводящийся к шуточному рассуждению, пользовавшемуся большим успехом у средневековых школяров:»То, что ты не потерял, у тебя еще есть?» – «Есть». – «Ты не терял рогов?»-»Нет».-«Значит, ты рогат».

Стр. 469. ...вывести перед принцессой «Девять героев». – «Девять героев»-одно из излюбленных театрализованных зрелищ, показывавшихся на городских и придворных празднествах позднего средневековья. Обычно трое из героев, состав которых иногда менялся, избирались из числа библейских персонажей, трое – из древнегреческих героев и трое – из героев средневековых сказаний.

Стр. 473. Ведь сотней «О» лицо у вас покрыто. – Имеются виду кружки веснушек или оспинок на лице.

Стр. 476. Наряжены король и свита как русские, иначе московиты. – В хронике Холла, из которой Шекспир часто черпал данные для своих драматических хроник, приводится случай, когда на банкет при дворце Генриха VIII явилось несколько лордов, переодетых русскими.

Стр. 485. Умы острее под шапкой шерстяною. – Лондонские горожане были обязаны ходить в шерстяных колпаках, тогда как шляпы с перьями были исключительным достоянием дворян. Розалина хочет сказать, что простые люди – и те умнее напыщенных вельмож.

Стр. 487. С зубами белыми, как ус китовый! – Китовый ус – совсем не белый. Но в XVI в. иногда путали кита с моржом, кости и клыки которого, действительно очень белые, шли на всякие поделки.

Стр. 496. С пантерой на броне. – На броне Помпея оттиснуто изображение пантеры.

Стр. 497. Нет вы не Александр, так как ваш нос не крив. – На античных бюстах голова Александра Великого немного склонена набок, вследствие чего можно в шутку сказать, что нос его несколько «искривлен».

Стр. 498. Иуда я, что прозван Маккавеем... – Исполнитель роли Иуды подчеркивает, что он не Иуда Искариотский, предавший Христа, а Иуда Маккавей, военачальник иудеев, боровшихся за независимость родины. Рвение, которое проявляет исполнитель, вполне понятно: в те времена зрители, не слишком четко отличавшие исполнителя от его роли, иногда избивали актеров, исполнявших роль Иуды.

Стр. 499. ...у тебя нет никакой личности... – В подлиннике *face* – слово, имеющее ряд смыслов (личность, лицо, контур лица и так далее); именно это дает возможность отпускать ряд замечаний, построенных на образах; личность, головка, изображаемая на деке цитры, головка булавки, Адамова голова на печати и так далее.

Стр. 500. Прячься, Ахилл: идет вооруженный Гектор. – Во всех средневековых пересказах истории Троянской войны идеальным героем изображался не Ахилл, а Гектор.

Стр. 501. Он либо бог, либо художник: все время делает рожи. – Бог создал людей (и их лица), художник рисует их.

Стр. 502. А Гектор – быстр, как гончая. – Во время единоборства Гектора с Ахиллом Гектор, преследуемый противником, семь раз обежал вокруг Трои.

Стр. 503. Ата – в античной мифологии божество мести и раздора.

А. Смирнов

---

¹ Далее. (Лат.)

² Удар, выпад - фехтовальный термин. (Слегка искаженное *итал. passata*.)

³ Дуэль. (Итал.)

⁴ Менее всего. (Лат.)

⁵ Следовательно, то есть. (Лат.)

⁶ Кровь. (Лат.)

⁷ небо

⁸ земля

⁹ Не верю. (Лат.)

¹⁰ Сделать. (Лат.)

¹¹ Все хорошо. (Лат.)

¹² Продолжай, валяй. (Лат.)

¹³ Мозговая оболочка. (Лат.)

¹⁴ Клянусь Геркулесом. (Лат.)

¹⁵ Малоречивый муж мудр. (Лат.)

¹⁶ «Фауст, прошу тебя - пока весь скот пасется в прохладной тени...». (Лат.)

-
- ¹⁷ «Венеция, Венеция, кто тебя не видит, не может тебя оценить». (Итал.)
- ¹⁸ Читайте, сударь. (Лат.)
- ¹⁹ Отсутствует, не хватает. (Лат.)
- ²⁰ Подражать. (Лат.)
- ²¹ Девушка. (Искаж. франц.)
- ²² Желанный гость. (Итал.)
- ²³ Без лишних слов. (Лат.)
- ²⁴ Идем! (Франц.)
- ²⁵ Довольно того, что достаточно (Лат.)
- ²⁶ Как-то. (Лат.)
- ²⁷ Я знаю этого человека так же хорошо, как тебя. (Лат.)
- ²⁸ Понимаете ли вы, сударь? (Лат.)
- ²⁹ Слава богу, отлично понимаю (Лат.)
- ³⁰ Видишь, кто идет? – Вижу и радуюсь. (Лат.)
- ³¹ Почему? (Лат.)
- ³² Бессмысленное слово, склеенное из ряда латинских слов и слогов.
- ³³ Детство. (Лат.)
- ³⁴ Кто, кто? (Лат.)
- ³⁵ Кругом (по окружности). (Лат.)
- ³⁶ Полным-полно. (Лат.)
- ³⁷ Проходи мимо. (Лат.)
- ³⁸ Без сомнения. (Франц.)
- ³⁹ Усы, борода. (Исп.)
- ⁴⁰ В путь! (Лат.)
- ⁴¹ Военная удача. (Итал.)
- ⁴² Пес (правильно: canis). (Лат.)
- ⁴³ Рука. (Лат.)
- ⁴⁴ Так как. (Лат.)
- ⁴⁵ Следовательно. (Лат.)